ПИСЬМА

С. А. РАЧИНСКАГО

КЪ

ДУХОВНОМУ ЮНОШЕСТВУ

О ТРЕЗВОСТИ.

МОСКВА.
Синодальная Типографія.
1899.

Отъ Московскаго Духовно-Цензурнаго Комитета печатать дозволяется. Москва. Декабря 21-го дня 1898 года.

Цензоръ Священникъ *Григорій Дьяченко.*



ПРЕДИСЛОВІЕ.

Письма, вошедшія въ этотъ маленькій сборникъ, написаны давно, по поводу случайному, съ тою небрежною поспѣшностью, съ какою пишутся, подъ впечатлѣніемъ минуты, письма, о появленіи коихъ въ печати не можетъ быть и помышленія.

Тѣмъ не менѣе, не нахожу поводовъ возражать противъ желанія лицъ, находящихъ умѣстнымъ ихъ изданіе, и коимъ они принадлежатъ. Ничего личнаго и частнаго письма эти въ себѣ не заключаютъ. Продолжаю держаться тѣхъ убѣжденій, которыя мнѣ ихъ внушили.

Изданіе это, прежде всего, будетъ полезно мнѣ лично, въ качествѣ приложенія къ безчисленнымъ письмамъ на ту же тему, которыя безпрестанно приходится мнѣ писать

людямъ, мнѣ лично незнакомымъ, письмамъ, въ кои мнѣ трудно вмѣщать все то, что я хотѣлъ бы имъ сказать. Дай Богъ, чтобы сверхъ того, неожиданно для меня, издающійся сборникъ принесъ какую-либо пользу людямъ, не имѣющимъ со мною и письменнаго общенія!

Да послужатъ эти немногія строки замѣною одного утраченнаго письма, служившаго какъ бы предисловіемъ къ прочимъ, и содержаніе коего я совершенно забылъ. Да и объ этихъ прочихъ письмахъ во мнѣ сохранилось воспоминаніе лишь смутное, не позволяющее мнѣ собрать во едино разбросанныя въ нихъ мысли. Впрочемъ, мысли эти такъ незатѣйливы и просты, что и не требуютъ предварительнаго разъясненія. Жалѣю только о томъ, что онѣ не нашли выраженія болѣе искуснаго и сильнаго защитника болѣе авторитетнаго.

С. Рачинскій.

Татево
28 марта 1898 г.

II-е письмо.

Любезный N. *Татево 16 Декабря.*

Нынѣшнимъ лѣтомъ посѣтилъ меня одинъ изъ кандидатовъ Петербургской Духовной Академіи. Онъ родомъ изъ Гжатска, и ему пришлось ѣхать Вяземско-Ржевскою желѣзною дорогою. Въ N. вмѣстѣ съ нимъ сѣли въ вагонъ десятокъ воспитанниковъ N. Духовнаго Училища, мальчики 12—14 лѣтъ. Мой пріятель (человѣкъ прекрасный) съ ними разговорился, и мальчики оказались воспріимчивыми къ его доброму слову, какъ всѣ мальчики этихъ лѣтъ. Дѣло было вечеромъ. Ребята расположились ужинать въ вагонѣ, причемъ усѣлись тѣсною кучкою, что-то тщательно скрывая...

И что-же? Черезъ десять минутъ шестеро изъ десяти мальчиковъ оказались совершенно пьяными, и принялись шумѣть и сквернословить. Насилу удалось уложить ихъ спать. Между пьяными мальчиками были сыновья извѣстныхъ свидѣтелю этой сцены добрыхъ священниковъ, людей совершенно трезвыхъ.

Требуетъ-ли этотъ разсказъ комментаріевъ? Бѣднымъ этимъ мальчикамъ въ училищѣ, конечно, *запрещалось* пить. Но они ежедневно *видѣли* пьянство своихъ наставниковъ и начальниковъ (увы! академистовъ). И вотъ, эти дѣти, эти будущіе пастыри безсознательно возложили на себя позорную цѣпь, которую будутъ влачить до гробовой доски. Ибо алкоголизмъ, привитый въ дѣтствѣ, упоренъ и едва побѣдимъ. Онъ въ корень подрываетъ волю, онъ обращаетъ человѣка въ тряпку, обрекаетъ его на животное прозябаніе или на изнурительную борьбу его лучшаго *я* съ губительнымъ позывомъ,—борьбу слишкомъ часто кончающуюся сумасшествіемъ, раннею смертію. Обратили-ли вы вниманіе на распространенность психическихъ разстройствъ въ духовныхъ семьяхъ? Вникните въ генеалогію этихъ семей. Въ большинствѣ случаевъ вы отъищите корень зла—въ наслѣдственномъ алкоголизмѣ. Говорю на основаніи тщательныхъ наблюденій, и личныхъ, и сообщенныхъ мнѣ опытными врачами.

И это зло—чудовищное, позорное, растетъ и множится въ тотъ моментъ, когда отъ нашего духовенства потребуется напряженіе всѣхъ силъ духовныхъ и нравственныхъ, чтобы стать на высоту настоятельныхъ требованій времени. И положить предѣлъ этому злу, искоренить его, можете т о л ь к о вы, будущіе наставники духовнаго юношества...

Конечно, не искорените вы его никакими поученіями, никакою организаціею призора. Искоренить можете и должны вы его дѣломъ, побѣдою надъ собою, которая одна можетъ дать вамъ силу побѣдить это зло въ другихъ. Вы ли уклонитесь отъ этого дѣла, вы, вооруженный высшимъ духовнымъ образованіемъ, которое обратится въ тлѣнъ и прахъ безъ соотвѣтствующаго подъема нравственнаго? Посмотрите! безграмотные крестьяне, движимые любовью къ ближнему, отрекаются отъ водки, ограждаютъ отъ нея дѣтей своихъ односельцевъ. Темные проповѣдники штунды могучимъ оружіемъ трезвости привлекаютъ къ себѣ еще болѣе темныхъ послѣдователей. Молоканинъ-грамотей издаетъ воззваніе о трезвости [1]), которое могъ бы подписать любой православный. Безмѣрное зло наконецъ вызываетъ реакцію. Но реакцію эту должна взять въ руки Церковь, ради своей чести, ради своей славы, ради милліоновъ, совращаемыхъ лжеучителями, прикрывающими вредное содержаніе своего ученія внѣшнею нравственною истиною.

Трезвость еще не есть нравственность. Но она необходимое условіе всякаго нравственнаго преуспѣянія. Алкоголь отравляетъ и, наконецъ, убиваетъ волю—источникъ всякаго нравственнаго дѣланія. Много добраго и свѣтлаго сохранилось, многое нарождается

---

[1]) «Перестанемъ пить вино и угощать имъ»—листокъ, изданный Сытинымъ.

вновь въ нашемъ духовенствѣ; но сохраненное погибнетъ, но нарождающееся не дозрѣетъ, если оно не избавится отъ зіяющей язвы, поглощающей всѣ его жизненные соки, отвращающей отъ него всѣ сердца.

Предлагаемое мною дѣло для людей зрѣлыхъ и старыхъ тягостно. Для юношей же вашихъ лѣтъ, для васъ лично—оно легко. Поэтому обращаюсь именно къ вамъ. Пьянство каждаго отдѣльнаго священника—тяжелый крестъ для его прихода. Пьянство же пастыреучителя,—а таковымъ будетъ почти каждый изъ васъ—ужасно, ибо послѣдствія его въ жизни цѣлыхъ поколѣній будущихъ пастырей—неисчислимы. Итакъ, не отвращайте вашего вниманія отъ добраго дѣла, но—помогите!

Любящій Васъ **С. Рачинскій** [1]).

III.

17 Декабря.

Любезный N.

До васъ, конечно, доходятъ настойчивые журнальные слухи (нынѣ опровергнутые) о предстоящей, будто бы въ близкомъ будущемъ, замѣнѣ платы за требы опредѣленнымъ жалованіемъ священникамъ и прочимъ членамъ причтовъ. Не знаю, когда осуществится эта давно намѣченная реформа. Но вы несомнѣнно до нея доживете. Мало того. Вамъ предстоитъ воспользоваться ею, въ качествѣ священника; еще вѣроятнѣе подготовлять будущихъ пастырей къ новымъ условіямъ жизни, которыя создаетъ эта реформа; быть можетъ, руководить осуществленіемъ ея въ качествѣ епископа.

1) Подпись эта стоитъ въ концѣ каждаго письма.

Нѣтъ сомнѣнія, что эта реформа достигнетъ своей цѣли лишь тамъ, гдѣ священники къ ней отнесутся добросовѣстно. Но главное ея значеніе заключается именно въ томъ, что она увеличитъ число добрыхъ священниковъ. Она удержитъ въ духовномъ званіи многихъ добрыхъ юношей вашего сословія, уклоняющихся отъ священства именно вслѣдствіе нравственной тягости нынѣ практикуемаго способа вознагражденія священническихъ трудовъ; привлечетъ она въ ряды священства и немало иносословныхъ, имѣющихъ къ нему призваніе.

Всѣмъ священникамъ она возвратитъ много драгоцѣннаго времени, столь необходимаго имъ для исполненія постоянно осложняющихся ихъ пастырскихъ обязанностей.

Но для священниковъ, преданныхъ пьянству, и поэтому неспособныхъ къ какой бы то ни было пастырской дѣятельности, реформа эта будетъ гибельна. Увы! количество ихъ велико. Совокупность ихъ столь значительна, что можно опасаться самаго крупнаго, самаго прискорбнаго соблазна.

Священникъ, обработывающій землю въ потѣ лица своего; священникъ, вынужденный угождать и окрестнымъ крестьянамъ и кабатчику; священникъ, не имѣющій времени ни читать, ни проповѣдывать, еще можетъ разсчитывать, въ случаѣ нетрезвой жизни, на презрительное снисхожденіе.

Но священникъ, избавленный постояннымъ доходомъ отъ гнетущей нужды, коему возвращенъ подобающій досугъ, и остающійся празднымъ и пьянымъ, снисхожденія не встрѣтитъ, а станетъ для всѣхъ сугубымъ соблазномъ и посмѣшищемъ.

Соблазнъ этотъ, во что бы то ни стало, нужно устранить въ настоящемъ и, главное, предупредить въ будущемъ.

Послѣднее—въ вашихъ рукахъ........

Привозятъ въ духовное училище мальчика изъ деревенской глуши. Дома онъ не пилъ, отца своего не видалъ пьянымъ.

Вниманіе его тотчасъ напряженно устремляется на учителей—этихъ распорядителей его будущею судьбою. Всѣ они люди прекрасные. Они лучше, выше деревенскихъ батюшекъ: движутся они свободно и смѣло, говорятъ умно и красиво. Они похожи на тѣхъ господъ, которые живутъ въ большомъ каменномъ домѣ, около села, и на которыхъ самъ папенька взираетъ съ благоговѣніемъ. А уже учености они безмѣрной: они кончили курсъ въ столицѣ, въ

Академіи. Особенно хорошъ одинъ изъ учителей—молодой, веселый, ласковый. У него множество друзей, таковыхъ-же господъ, какъ и онъ, да и всѣ его любятъ. По вечерамъ онъ ходитъ въ большой вѣчно освѣщенный домъ, самый красивый на улицѣ, въ которомъ господа играютъ въ карты и веселятся. Часто его приводятъ оттуда шатающимся, полусоннымъ, но на другой день онъ опять веселъ, только немного блѣденъ.... Что-жъ? Видно, такъ и слѣдуетъ жить людямъ образованнымъ. Веселая эта жизнь, она должна предстоять и намъ.... Но почему-же не попробовать этого веселья и теперь? Вѣдь, пьютъ же многіе изъ товарищей и съ рукъ сходитъ.... И онъ пробуетъ. Первая рюмка водки его приводитъ въ совершенное опьяпѣніе, возбуждаетъ въ немъ никогда не испытанныя радостныя грезы, и эта первая рюмка рѣшаетъ его судьбу. Впредь онъ не упуститъ случая доставить себѣ это смутное наслажденіе,—и поступаетъ онъ въ Семинарію съ укоренившимся уже позывомъ къ спиртнымъ напиткамъ и шесть лѣтъ сряду безпрестанно удовлетворяетъ ему. Позывъ превращается въ привычку, привычка въ потребность, властную, непобѣдимую.

И вотъ, когда роковая петля окончательно затянулась вокругъ его шеи, онъ становится пастыремъ душъ, совершителемъ таинствъ. И обреченъ онъ на всю жизнь лицемѣрить и лгать, и святотатствовать, и

нѣтъ ему исхода, кромѣ отчаянія или полнаго отупѣнія.

Я не сочиняю. Все это постоянно вижу. Въ моихъ школахъ постоянно учатся дѣти священниковъ и причетниковъ, и оттуда поступаютъ въ духовныя училища. Туда поступаютъ нѣкоторые мои воспитанники изъ крестьянъ.

Подумайте обо всемъ этомъ—и помогите!

IV.

Любезный N. *17 Декабря.*

Въ близкомъ будущемъ весьма возможна передача всѣхъ начальныхъ школъ въ Духовное Вѣдомство, порученіе руководства ими сельскимъ священникамъ.

Вѣдь, это было-бы вполнѣ логично. Съ чего начать просвѣщеніе народа, какъ не съ оглашенія его основными истинами христіанства? Ибо народъ нашъ—крещенный, но еще не оглашенный. Кому поручить попеченіе о нашихъ бѣдныхъ школахъ, затерянныхъ въ захолустьяхъ, въ кои едва заглядываетъ разъ въ годъ, на полчаса, учебное начальство, какъ не пастырю душъ, единственному вполнѣ грамотному человѣку въ околоткѣ.

Почему-же одни слухи о такой передачѣ возбуждаютъ въ нашей образованной средѣ, даже между

людьми вѣрующими и церковными,—вопли негодованія?

Потому, что когда *Сютяевъ,* бѣдный грамотей-самоучка, выучившій все Евангеліе наизусть, обратился къ мѣстному священнику за разъясненіемъ своихъ весьма естественныхъ недоумѣній, этотъ пьяный священникъ швырнулъ ему Евангеліемъ въ голову. Потому,—что самое обращеніе крестьянина къ священнику въ подобныхъ случаяхъ—величайшая рѣдкость. Въ девяноста девяти случаяхъ изъ ста крестьянинъ обратится къ доброму сельскому учителю, ко Льву Толстому, ко мнѣ, къ какой нибудь пашковствующей дамѣ. И это вовсе не потому, чтобы онъ считалъ насъ болѣе своего священника свѣдущими въ вещахъ божественныхъ, а потому, что люди простые ищутъ въ своихъ духовныхъ руководителяхъ хоть-какого либо приближенія къ христіанской жизни, хоть какого-либо желанія просвѣтить ихъ нравственно. Это естественно, это неизбѣжно.

Порочная жизнь священниковъ ведетъ къ явленіямъ возмущающимъ душу. Толпа крестьянъ пріѣзжающая за двадцать верстъ слушать обѣдню, которая не служится; покойникъ, цѣлыя сутки со всѣмъ погребальнымъ поѣздомъ ждущій отпѣванія; больной, умирающій безъ напутствія, хотя священникъ подъ рукой—все это случайности, безпрестанно повто-

рающіяся въ приходѣ, ввѣренномъ пьяному батюшкѣ. Располагать прихожанъ къ бесѣдамъ о душевныхъ ихъ алканіяхъ со своими пастырями подобныя случайности не могутъ, тѣмъ болѣе, что самъ пастырь отъ нихъ рѣшительно уклоняется. Уклоненіе это не всегда происходитъ отъ одного отупѣнія и лѣни, неизмѣнныхъ спутниковъ пьянства; но также весьма часто отъ сознанія своего недостоинства, отъ тайнаго упрека совѣсти, не позволяющей священнику поучать словами тѣхъ, которыхъ онъ развращаетъ примѣромъ. Но отъ этого пасомымъ не легче.

Вотъ почему множество людей благомыслящихъ, горячихъ поборниковъ церковнаго характера школы, смотрятъ на передачу этой школы въ руки духовенства, какъ на сугубую ложь, способную подорвать въ конецъ уваженіе пасомыхъ къ ихъ пастырямъ, вызвать небывалое еще въ Россіи сектантское движеніе.

Я лично смотрю на дѣло не столь мрачно. Есть въ средѣ нашего духовенства доблестное меньшинство, по-христіански относящееся къ своему призванію. Но не на него возлагаю я мои надежды. Меньшинство это тонетъ и гибнетъ среди враждебнаго ему большинства. Всѣ мои надежды возлагаю на учащееся духовное юношество, въ настоящую минуту — на васъ лично, коему пишу эти строки. Васъ еще не засосала тина вѣками наросшаго зла. Глаза ваши не закрыты,

слухъ вашъ не прегражденъ для грозныхъ знаменій времени. Вы еще учитесь, вы имѣете время и думать и чувствовать. Вамъ предстоитъ, вы призваны создать то духовенство, которое нужно Русской Церкви. Вы не можете не понимать, на какую высоту нравственную надлежитъ вамъ стать, чтобы быть достойнымъ этой великой задачи. Поэтому обращаюсь именно къ вамъ, къ вамъ лично и въ отдѣльности, ибо только изъ совокупности индивидуальныхъ усилій созидаются дѣла великія. Прежде всего, станьте тѣмъ, чѣмъ вы хотѣли-бы сдѣлать вашихъ будущихъ учениковъ. Въ этомъ да поможетъ вамъ Богъ — и тогда съ усугубленной надеждой мнѣ можно будетъ сказать вамъ: помогите!

V.

Любезный N. *19 Декабря.*

Нѣтъ того глупаго человѣка, отъ котораго при случаѣ нельзя было-бы узнать вещей, глубоко поучительныхъ.

На дняхъ, одна изъ случайностей, неизбѣжныхъ въ деревенской жизни, обрекла меня на долгую бесѣду съ очень глупымъ человѣкомъ. Но человѣкъ этотъ былъ родомъ не изъ нашего уѣзда, и я навелъ его на разсказы о людяхъ, окружавшихъ его на родинѣ. При этомъ онъ разсказалъ мнѣ слѣдующее.

Въ Духовщинскомъ уѣздѣ есть сельскій священникъ, уже старый и вдовый, о. Димитрій Лешкевичъ. Священникъ этотъ никогда не пилъ вина, и никогда не взялъ ни копейки за требы съ своихъ прихожанъ.

Вотъ его нехитрая исторія. Онъ изъ дворянъ (самыхъ бѣдныхъ), поступилъ въ Духовную Семинарію по призванію, и оставилъ ее съ твердымъ намѣреніемъ никогда не торговать благодатью священства, а жить хозяйствомъ на церковной землѣ, пользуясь лишь помощью прихожанъ при обработкѣ этой земли (помощь эта всегда можетъ быть организована такъ, что прихожанъ нисколько не обременяетъ). Женился онъ на дочери священника и получилъ за нею приходъ, населенный одними крестьянами, немного денегъ и полное хозяйство съ запасами на цѣлый годъ. Но какъ только онъ поселился въ своемъ приходѣ, случился пожаръ, и всѣ его хлѣбные запасы сгорѣли. Дѣло было осенью.

Матушка рѣшительно возстала противъ употребленія ея денегъ на прожитье, и стала пилить батюшку, чтобы онъ объѣхалъ приходъ для сбора хлѣба. Пилила, пилила, и наконецъ батюшка, скрѣпя сердце, заложилъ телѣжечку и поѣхалъ въ ближайшую деревню. Тамъ онъ остановился передъ первою избою, вошелъ въ нее, и она показалась ему пустою. Но его окликнула баба, лежавшая на печи. Священникъ изложилъ поводъ своего посѣщенія. „Нашелъ, у

кого просить“, сказала баба слабымъ голосомъ, „сама четыре дня хлѣба не ѣла“. О. Димитрій подошелъ и увидѣлъ, что на печи лежитъ живой скелетъ.

Онъ поспѣшно вышелъ изъ избы, сѣлъ въ телѣгу, повернулъ оглобли, вернулся домой и.... поставилъ на своемъ, несмотря на всѣ ворчанія матушки, и сокрушилъ сопротивленіе своего причетника. И вотъ, съ тѣхъ поръ крестьяне обработываютъ его землю, онъ-же совершаетъ всѣ таинства, всѣ требы, даже необязательныя, даромъ. Человѣкъ онъ энергическій, хозяинъ отличный. Каждую весну онъ раздаетъ и своимъ прихожанамъ, и сосѣдямъ сѣмена ярового хлѣба, требуя только возврата ихъ осенью, безъ всякихъ процентовъ. Такую помощь получилъ отъ него и мой разсказчикъ, человѣкъ ему до тѣхъ поръ совершенно незнакомый.

Сами прихожане, движимые благодарностью, рѣшили между собой въ случаѣ такихъ ссудъ набавлять батюшкѣ—богатые по мѣркѣ, бѣдные по полумѣркѣ на четверть. Разумѣется, самые бѣдные возвращаютъ зерно безъ этой прибавки, и *никогда* о. Димитрій самъ о ней не заикается.

Теперь онъ женилъ единственнаго своего сына, который также получилъ мѣсто священника, и всѣ свои зимніе досуги посвящаетъ школѣ.

Все это, какъ видите, просто до нельзя. Но какъ это хорошо и рѣдко!

Почему-же это такъ рѣдко? Ежегодно поступаютъ на свою высокую должность сотни молодыхъ священниковъ, и изъ нихъ весьма многіе одушевлены самыми лучшими намѣреніями, приступаютъ къ дѣлу съ самыми свѣтлыми планами, между коими почти всегда играетъ видную роль намѣреніе не отягчать своихъ прихожанъ излишними поборами, не смущать ихъ душу торговлею дарами благодати. Для осуществленія же этихъ благихъ намѣреній постоянно не хватаетъ одного: твердой воли, закаленной предшествовавшими побѣдами надъ собой. Тотъ, кто не въ силахъ отказаться отъ рюмки водки, никогда не въ силахъ будетъ отказаться отъ тысячи мелкихъ удобствъ и крупныхъ выгодъ, проистекающихъ отъ искусной торговли таинствами и требами,—благо-же это искусство выработано до совершенства, и по этой части ничего изобрѣтать не приходится, и самую черную половину работы беретъ на себя матушка.

Взгляните вокругъ себя. Обратите вниманіе на роковую связь между употребленіемъ спиртныхъ напитковъ, даже въ количествахъ не производящихъ послѣдствій, рѣзко безобразныхъ,—и тѣмъ разслабленіемъ воли, тою дряблостью характера, которыя составляютъ проклятіе нашего современнаго духовенства,—и помогите въ борьбѣ противъ этого вѣчнаго тормоза всего свѣтлаго и добраго!

VI.

Любезный N.

Миссіонерское дѣло въ Россіи находится въ условіяхъ исключительныхъ, единственныхъ. Не въ дальнія, заморскія страны приходится намъ высылать отважныхъ проповѣдниковъ слова Божія. Дóма, въ предѣлахъ Россіи, приходится намъ обращать магометанъ и язычниковъ, при чемъ, конечно, еще болѣе, чѣмъ проповѣдію, намъ приходится дѣйствовать примѣромъ истинно христіанской жизни, обаяніе коей неотразимо. Только этимъ путемъ могутъ быть увлечены массы. Вспомните исторію первыхъ вѣковъ христіанства.

Дни язычества сочтены. Столь грубая форма богопочитанія должна исчезнуть сама собою при болѣе близкомъ соприкосновеніи съ христіанскимъ міромъ. Нельзя сказать того-же самаго о магометанствѣ. Это—сила организованная и живая, крѣпкая тою долею истины, которую содержитъ мусульманское ученіе. И съ этою силою мы стоимъ лицемъ къ лицу. Россія неудержимо, съ ускоряющеюся быстротою, вростаетъ въ мусульманскую Азію, и притомъ гораздо болѣе обаяніемъ своей высшей гражданственности, чѣмъ силою оружія.

Этому политическому успѣху, изумляющему міръ, далеко не соотвѣтствуютъ наши успѣхи въ области

духовной. Результаты нашей христіанской пропаганды въ мусульманскомъ мірѣ до сихъ поръ ничтожны.

Причины этого прискорбнаго явленія, безъ сомнѣнія, многообразны и сложны. Но ближайшая обязанность ваша, какъ воспитанника Казанской Академіи, состоитъ въ томъ, чтобы выяснить себѣ эти причины—ибо просвѣщеніе мусульманскаго Востока свѣтомъ христіанства—спеціальное призваніе Академіи Казанской.

Да будетъ мнѣ позволено указать на одну изъ этихъ причинъ, несомнѣнную, очевидную. Всякій искренній мусульманинъ абсолютно трезвъ. Мусульманскій міръ избавленъ отъ одного изъ позорнѣйшихъ бичей міра христіанскаго. Пьянство христіанъ для мусульманъ—постоянный соблазнъ, не только потому, что оно есть нарушеніе вросшей въ ихъ плоть и кровь заповѣди пророка, но прежде всего потому, что оно влечетъ за собою, на каждомъ шагу, наглое, отвратительное нарушеніе тѣхъ заповѣдей Христовыхъ, которыя у насъ на устахъ. Пока жизнь мусульманъ, домашняя, ежедневная, остается благообразнѣе и чище, чѣмъ жизнь сосѣдей-христіанъ, ни о какой успѣшной пропагандѣ мы мечтать не въ правѣ.

Что же сказать о впечатлѣніи, которое производитъ на мусульманъ пьянство нашего духовенства? Мыслима ли успѣшная борьба пьянаго священника съ абсолютно трезвымъ муллою? А вѣдь такая борьба

есть прямая обязанность почти всякаго изъ священниковъ, которыхъ вы призваны воспитать?

Взвѣсьте громадную отвѣтственность, которая лежитъ на васъ, будущемъ наставникѣ пастырей Приволжскаго края, взвѣсьте неисчислимое добро, которое вы можете принести и этому краю, и всей Церкви Христовой приготовленіемъ священниковъ, служащихъ образцами той жизни, которую они проповѣдуютъ! Вѣдь, безъ соотвѣтствія между словомъ и дѣломъ невозможенъ успѣхъ проповѣди христіанства. Вѣдь совокупность духовно-учебныхъ заведеній Приволжья нельзя разсматривать иначе, чѣмъ какъ громадный миссіонерскій институтъ, коему надлежитъ исполнить самую благодарную, самую колоссальную задачу въ мірѣ. Ибо за милліонами мусульманъ, уже лежащими на нашей совѣсти, уже порученныхъ намъ Богомъ, выдвигаются сотни милліоновъ мусульманъ и язычниковъ Индіи и Китая.

Можете ли вы вооружиться достаточно, чтобы быть достойными дать импульсъ великому дѣлу? Кромѣ васъ, дать этотъ импульсъ некому, а дать его можно только могучимъ духовнымъ подъемомъ, нравственнымъ возрожденіемъ нашего духовенства. Этотъ подъемъ, это возрожденіе невозможны, пока это духовенство будетъ пьянствовать.

Помогите же ему разорвать, сбросить съ себя это позорное ярмо. Прежде всего, сбросьте его сами.

Пока вы, цвѣтъ духовенства, его не сбросите, чего намъ ждать отъ рядовыхъ священниковъ? Вѣдь эти священники ваши питомцы, а людей воспитываютъ жизнію и дѣломъ, а не словами.

Надѣюсь на васъ, и молю за васъ Бога.

VII.

Любезный N. *21 Декабря.*

Между упражненіями, измышленными покойнымъ Ушинскимъ для воспитанниковъ начальныхъ школъ, находится слѣдующее:

Ученикъ на вопросы: что дѣлаетъ сапожникъ?.. купецъ?.. кузнецъ?..—долженъ отвѣчать: сапожникъ сшьетъ сапоги, купецъ торгуетъ, кузнецъ куетъ, и т. д.

Между этими вопросами встрѣчается и слѣдующій: что дѣлаетъ священникъ?

На этотъ вопросъ одинъ крестьянскій мальчикъ, очень маленькій и глупенькій, написалъ при мнѣ такой отвѣтъ: *поетъ и водку пьетъ.*

При этомъ у мальчика не было и тѣни сатирическаго намѣренія: онъ просто и буквально исполнилъ указаніе учителя—не сочинять, а писать то, что самъ видѣлъ.

Спрашивается: есть-ли, кромѣ православной Россіи, страна въ мірѣ, не говорю, христіанская, но хотя бы мусульманская или языческая, гдѣ подобный отвѣтъ

былъ-бы возможенъ; болѣе того: гдѣ-бы онъ могъ быть оправданъ тѣмъ, что ежедневно происходитъ передъ глазами несчастныхъ дѣтей?

Ибо священники, коихъ жизнь уходитъ безъ остатка на требоисполненіе и винопитіе, встрѣчаются на каждомъ шагу.

Христіане-ли мы?

— Нѣтъ, если мы способны мириться съ подобными вещами.—Нѣтъ, если призванные создавать будущихъ пастырей, мы не напряжемъ всѣхъ силъ, чтобы вырвать зло съ корнемъ. Вы—изъ числа призванныхъ. Вы-ли мнѣ не поможете? Вы еще молоды, для васъ еще не настало время позорныхъ сдѣлокъ съ совѣстію и правдою. За дѣло, и начните съ самого себя! Да не будетъ возможенъ, не будетъ мыслимъ въ XX-мъ вѣкѣ позорный отвѣтъ, приведенный мною, на вопросъ: что дѣлаетъ священникъ?

VIII.

Любезный N.

Недавно, одинъ изъ талантливыхъ французскихъ писателей молодого поколѣнія, Анатоль Франсъ, въ изящномъ разсказѣ обработалъ житіе преподобной Таисіи (Чет. Мин. Окт. 8-го). Разсказъ имѣлъ успѣхъ, хотя въ немъ сильно искаженъ духъ древняго сказанія. Достойно замѣчанія то обстоятельство, что ав-

торъ выбралъ для обработки именно житіе Таисіи, а не помѣщенное подъ тѣмъ-же числомъ, несравненно болѣе содержательное, житіе преподобной Пелагіи.

Замѣчательно это житіе, во первыхъ, тѣмъ, что въ немъ, очевидно, дошло до насъ не записанное преданіе, а показаніе очевидца. Но еще замѣчательнѣе оно по глубинѣ своего внутренняго смысла.

Святый епископъ случайно встрѣчается съ блистательною гетерою и пораженъ ея несравненною красотою, гармоническимъ изяществомъ ея наряда, движеній и рѣчей. Ему приходитъ на мысль, какъ много искусства, любви и стараній употреблено на усовершеніе этой плотской, соблазнительной красоты; какъ мало есть христіанъ, прилагающихъ таковое-же стараніе къ усовершенію своей красоты внутренней, духовной. Подъ этимъ впечатлѣніемъ онъ произноситъ въ церкви вдохновенное слово о красотѣ духовной— и гетера, потрясенная, побѣжденная, падаетъ къ его ногамъ и требуетъ крещенія.

Согласитесь, что еще болѣе, чѣмъ святый епископъ Нонъ, имѣемъ поводъ мы, современные христіане, быть недовольными собою за свою нерящливость въ дѣлѣ возвышенія себя до красоты духовной—въ виду того утонченнаго изящества, до котораго доходитъ современный культъ плоти и ея похотей. Не знаю, какъ вы, но я въ этомъ отношеніи очень недоволенъ собою....

И вотъ—началъ я съ самаго малаго, съ самаго близкаго. Никогда не былъ я пьяницею. Надѣюсь, что не пьяница и вы. Но, вѣдь, этого мало. Въ осторожномъ употребленіи вина нѣтъ никакой красоты духовной. Въ полномъ воздержаніи есть такая красота, ибо оно ободряетъ другихъ, даетъ имъ силу побѣждать въ себѣ даже крайнюю неумѣренность, застарѣлую привычку къ спиртнымъ напиткамъ. Это я испыталъ на опытѣ. Пока я держался умѣренности, всѣ мои рѣчи оставались гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Всѣ со мною соглашались, никто не исправлялся. Съ тѣхъ поръ, какъ я далъ и исполняю обѣтъ трезвости, за мною пошли тысячи. Какъ мнѣ не побуждать, не умолять каждаго изъ васъ послѣдовать моему примѣру? Если мірянинъ, сельскій учитель, затерянный въ безвѣстной глуши, такимъ путемъ собралъ около себя столько союзниковъ, возбудилъ отголоски во всѣхъ углахъ Россіи, чего не могли бы достигнуть вы, призванный проповѣдывать слово Божіе на мѣстахъ самыхъ видныхъ, призванный наставлять сотни и тысячи будущихъ пастырей? Подумайте объ этомъ, и помогите: затмите мою ничтожную, одиночную дѣятельность дружною проповѣдью словомъ и дѣломъ, во имя Церкви, коей вы должны быть лучшимъ украшеніемъ!

Да хранитъ васъ Богъ.

IX.

22 Декабря.

Любезный N.

Съ легкой руки гр. Толстого, у современной молодежи вошли въ моду, и то болѣе на словахъ, чѣмъ на дѣлѣ, — нѣкоторыя, весьма не многія, христіанскія добродѣтели. Но вы, конечно, согласитесь, что въ числѣ ихъ нѣтъ одной, которая называется *смиреніемъ*.

Что смиреніе есть добродѣтель капитальная, всякому христіанину необходимая, объ этомъ, въ качествѣ богослова, вы со мною спорить не станете. Но едвали я ошибусь, предполагая, что въ качествѣ юноши вашего поколѣнія, къ этой добродѣтели вы не питаете особаго влеченія, не упражнялись въ ней, не испытали на себѣ всего того, что она приноситъ человѣку.

Смиреніе — величайшая сила. Безплодность прекрасныхъ, благородныхъ порывовъ большинства современныхъ юношей происходитъ именно отъ недостатка смиренія. Приносить великія жертвы, совершать громкіе подвиги приходится рѣдко, и они непосильны людямъ, не воспитавшимъ свою волю долгимъ рядомъ жертвъ мелкихъ и темныхъ, но ежедневныхъ, ежечасныхъ. Каждая изъ нихъ ничтожна, но совокупность ихъ и составляетъ исполненіе долга

христіанской любви, и придаетъ душѣ тотъ тонъ, при которомъ возможны и жертвы болѣе великія, подвиги болѣе высокіе.

«Не вознесеся сердце мое, ниже вознесостѣся очи мои; ниже ходихъ въ великихъ, ниже въ дивныхъ паче мене» — сказалъ тотъ, кто побѣдилъ Голіаѳа. Зову васъ на брань съ врагомъ несравненно болѣе коварнымъ и сильнымъ, чѣмъ неуклюжій Филистимлянинъ. Какъ-же мнѣ не проповѣдывать вамъ смиреніе?

Вооружимся-же имъ прежде всего, и начнемъ съ ближайшаго, мелкаго, обыденнаго. Что можетъ быть ничтожнѣе и легче отказа отъ рюмки водки? Однакоже не побрезгуемъ и этимъ легкимъ самоограниченіемъ. Постоянство въ немъ, какъ показываетъ опытъ, приноситъ ближнему великую пользу. О вредѣ пьянства, физическомъ и нравственномъ, кажется, толковать мнѣ съ вами нѣтъ нужды. Избавленіе ближняго отъ этого зла уже есть великое благодѣяніе. Но не есть-ли также великое благословеніе, и для пастырей и для пасомыхъ, возвышеніе служителей Церкви на степень живыхъ примѣровъ безпорочнаго житія и христіанской любви?

Отъ васъ зависитъ это возвышеніе. Помогите!

X.

Любезный N. *22 Декабря.*

При огромномъ большинствѣ нашихъ сельскихъ школъ имѣется лишь по одному учителю, ученіе-же продолжается три года, и поэтому ученики распадаются на три класса, которые, приличія ради, принято называть «группами.»

Я уже пятнадцать лѣтъ учу въ сельской школѣ и завѣдую десяткомъ другихъ.

При этомъ я убѣдился, что заниматься двумя группами заразъ—трудно, тремя же—невозможно. Занятіе тремя группами заразъ есть ложь. Одна изъ трехъ неминуемо, при такихъ условіяхъ, предоставлена сама себѣ. Итакъ, при одномъ учителѣ, и безъ того краткое время ученія въ сельской школѣ сокращается на одну треть. Три года школьнаго ученія въ дѣйствительности сводятся къ двумъ.

Иначе обстоитъ дѣло тамъ, гдѣ священникъ *дѣйствительно* приходитъ на помощь учителю. Каждый разъ, какъ батюшка займется съ одной изъ трехъ группъ, учитель имѣетъ возможность заниматься плодотворно съ двумя другими.

Но эти благопріятныя условія встрѣчаются рѣдко. По большей части священники уклоняются отъ правильнаго посѣщенія школы и предоставляютъ, de facto, преподаваніе Закона Божія учителямъ. Можете

себѣ представить, каково это преподаваніе, даже если учитель—человѣкъ религіозный и обладаетъ нужными для него знаніями. Вѣдь, давая урокъ по Закону Божію одной группѣ, учитель сплошь да рядомъ вынужденъ диктовать другой, а третью упражнять въ счетѣ!

Убѣдился я также въ томъ, что во всякомъ приходѣ, мало-мальски нормальномъ, священникъ имѣетъ время посѣщать школу почти ежедневно (либо утромъ, либо послѣ обѣда), ибо въ учебный періодъ священники избавлены отъ хозяйственныхъ трудовъ.

Что-же мѣшаетъ священникамъ исполнять самую прямую, самую естественную изъ своихъ обязанностей, когда за исполненіе ея они притомъ получаютъ добавочное вознагражденіе?

Въ огромномъ большинствѣ случаевъ не что иное, какъ пьянство: нельзя и винить священниковъ за то, что пьяными являться въ школу они избѣгаютъ; да и на другой день послѣ попойки человѣку не до ученія.

Но есть и священники, которые приходятъ въ школу пьяными, совершенно неспособными давать уроки: кричатъ, шумятъ, пугаютъ дѣтей... Не могу выразить вамъ всего, что выстрадалъ я въ теченіе моей школьной дѣятельности отъ подобныхъ священниковъ...

Подумайте о бѣдныхъ дѣтяхъ. Они пришли въ школу учиться, конечно, прежде всего, божествен-

ному. Но удовлетворить эту жажду божественнаго ученія учителю физически невозможно: вѣдь онъ обязанъ въ теченіе трехъ краткихъ зимъ научить ихъ чтенію, русскому и славянскому, каллиграфіи, счету, правописанію... Священникъ-же приходитъ въ школу лишь для того, чтобы убѣдить ихъ, что отъ священника ничему божественному не научишься. Вотъ гдѣ глубокій, тайный корень всякаго отчужденія отъ церкви, всякаго сектантства, всякаго раскола.

Кто-же можетъ помочь этому горю, кто можетъ предотвратить его въ будущемъ, кромѣ начальниковъ и наставниковъ духовно-учебныхъ заведеній?

Но обращаться къ нимъ слишкомъ поздно и поэтому напрасно. Вотъ почему я обращаюсь ко всѣмъ вамъ, еще не утратившимъ свою нравственную свободу, къ вамъ, будущимъ наставникамъ духовнаго юношества, обращаюсь къ вамъ лично, сожалѣя лишь о томъ, что не знаю васъ близко, что не могу поэтому говорить съ вами достаточно убѣдительно, и умоляю васъ: помогите!

XI.

Любезный N. *22 Декабря.*

Одно изъ величайшихъ сокровищъ Православной Церкви—ея богослуженіе. Разумѣю не только незыблемый чинъ и текстъ его, записанный въ нашихъ богослужебныхъ книгахъ, но также простой,

величавый, высоко-художественный стиль исполненія, выработанный вѣками, свято-хранимый преданіемъ, особенно въ хорошихъ нашихъ монастыряхъ. Къ этой красотѣ мы привыкли, почти перестали ее замѣчать. Но она поражаетъ иностранцевъ. Прочтите, что пишетъ по этому поводу Леруа-Болiё, далеко не сочувственно относящійся къ нашей церкви. Да и каждый изъ насъ, (присутствуя при богослуженіи католическомъ или протестантскомъ), не можетъ не оцѣнить громаднаго преимущества, и въ отношеніи исполненія, богослуженія православнаго.

И, что всего болѣе говоритъ въ пользу нашего стиля богослуженія, службы наши производятъ впечатлѣніе красоты и величія при средствахъ самыхъ скромныхъ, даже когда священникъ служитъ безъ діакона, даже когда весь клиръ состоитъ изъ одного человѣка,—что случается безпрестанно, при столь обыкновенномъ въ нашихъ селахъ минимальномъ причтѣ.

Но само собою разумѣется, что при этомъ необходимо, чтобы этотъ единственный чтецъ и пѣвецъ былъ исправенъ, чтобы онъ читалъ внятно и пѣлъ прилично. Но часто-ли это бываетъ? Увы, если между священниками пьянство есть явленіе заурядное, то между причетниками трезвость есть исключеніе. Отсюда голоса, неспособные къ внятному чтенію и способные только къ пѣнію невыносимому. Отсюда неряшливость въ пѣніи и чтеніи, доходящая до без-

образія. Отсюда, наконецъ, весьма часто полная невозможность для священника совершать божественную службу.

Распутная жизнь, нравственное огрубѣніе нашихъ причетниковъ до того уронили ихъ, въ сущности столь почтенную, въ большинствѣ случаевъ безбѣдную должность, что во многихъ епархіяхъ на ней исключительно остаются отброски духовнаго сословія, пьяницы безнадежные, коихъ плодятъ въ такомъ ужасающемъ количествѣ наши духовно-учебныя заведенія.

Исправленіе такихъ несчастныхъ трудно: въ моей практикѣ оно удавалось только при священникѣ, абсолютно трезвомъ. Гораздо легче предотвращеніе зла, которое не въ рукахъ моихъ и подобныхъ мнѣ проповѣдниковъ трезвости, а въ вашихъ, ибо корень зла въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, начиная съ духовныхъ училищъ.

Ради сокровища, ввѣреннаго намъ вѣками, ради милліоновъ, не имѣющихъ иной духовной пищи, какъ наше дивное, неисчерпаемо-богатое поученіями и красотами богослуженіе—помогите!

XII.

22 Декабря.

Любезный N.

За послѣднія 5, 6 лѣтъ духовное начальство энергически работаетъ надъ подъемомъ учительной дѣятельности нашего духовенства. Постоянно напо-

минается ему о необходимости церковной проповѣди; непрестанно побуждается оно къ веденію внѣбогослужебныхъ собесѣдованій.

Иныя формы пастырскаго учительства *предписаны* быть не могутъ. Но эти иныя формы несравненно важнѣе предписанныхъ.

Сельскія церкви наши, даже когда онѣ полны, вмѣщаютъ лишь незначительную долю своихъ прихожанъ; отсутствуютъ изъ нихъ именно тѣ, коимъ всего нужнѣе пастырскія поученія. Уровень знаній большинства прихожанъ столь низокъ, что самая простая церковная проповѣдь имъ непонятна. Понимаютъ ее лишь тѣ изъ нихъ, которые прошли черезъ добрую начальную школу. Внѣбогослужебныя собесѣдованія въ огромномъ большинствѣ сельскихъ приходовъ средней и сѣверной Россіи—просто невозможны, ибо разстоянія не позволяютъ приходить въ церковь болѣе одного раза въ день. Въ этотъ же одинъ разъ—всенощная, обѣдня, различныя требы поглощаютъ до шести часовъ подрядъ, послѣ коихъ и священнику и молящимся необходимы пища и отдыхъ.

Но вѣдь каждый священникъ въ теченіе года десятки разъ посѣщаетъ каждый изъ домовъ своего прихода для службъ и требъ, по дѣламъ хозяйственнымъ... Во всякомъ домѣ предлагаютъ ему водку. Если въ первомъ онъ выпьетъ рюмку, весь смыслъ его объѣзда погибъ. Ибо это обязываетъ его выпить

рюмку и во второмъ, въ третьемъ же домѣ всякій назидательный разговоръ становится невозможнымъ, а въ десятый—священникъ уже вноситъ неминуемый соблазнъ...

Не вѣрьте тѣмъ лицемѣрамъ, которые говорятъ и печатаютъ, будто крестьяне оскорбляются отказомъ священника отъ рюмки водки. Оскорбиться они могутъ развѣ предпочтеніемъ одного дома другимъ...

О, еслибы вы знали, съ какою радостію, съ какою любовію, съ какимъ благоговѣніемъ встрѣчается людьми простыми священникъ совершенно трезвый, произносящій въ каждомъ домѣ слово назиданія самое неизбѣжное, самое простое—столь простое, что онъ не рѣшился бы произнести его въ церкви! Вѣдь, не въ составленіи мудреныхъ рѣчей сказывается благодать учительства, присущая священству, а въ томъ неотразимомъ дѣйствіи, которое производитъ всякое искреннее слово назиданія, сказанное священникомъ! И лишь этими простыми, искренними бесѣдами можетъ научиться священникъ произносить и въ церкви слова, доходящія до всѣхъ сердецъ!

Вотъ, что внушайте будущимъ питомцамъ вашимъ. Вотъ, что важнѣе всѣхъ вашихъ риторикъ и гомилетикъ. И прежде всего, ради Христа, научите ихъ трезвости, которая одна даетъ возможность, постоянно, благовременнѣ и безвременнѣ,—назидать

ближняго. Научить же трезвости дѣтей и юношей такъ легко! Стоитъ только быть трезвымъ самому и искренно полюбить дѣтей, которыхъ поручитъ вамъ Богъ!—Да сохранитъ же Онъ васъ трезвымъ и добрымъ, ради будущаго вашего служенія!

XIII.

23 Декабря.

Любезный N.

Духовныя Академіи суть не только разсадники наставниковъ и учителей будущаго учащагося юношества духовнаго сословія. Прежде всего призваны онѣ воспитать цвѣтъ будущаго нашего духовенства, бѣлаго и чернаго.

Быть можетъ, вы не имѣете ни малѣйшаго желанія вступить въ ряды послѣдняго. Быть можетъ, и никто изъ вашихъ товарищей не помышляетъ нынѣ о монашествѣ. И однако же можно сказать съ увѣренностью, что нѣкоторые изъ васъ монахами будутъ, и нынѣ невозможно угадать, будете-ли вы лично въ ихъ числѣ, или нѣтъ. Дѣло въ томъ, что жизнь гораздо чаще, чѣмъ вы думаете, приводитъ къ желанію отречься отъ ея суеты, и что въ вашемъ воспитаніи есть элементы, предрасполагающіе къ такому отреченію, нынѣ для васъ, вѣроятно, преждевременному. Далѣе, многіе изъ васъ примутъ священство. Принятіе же священства—этого никогда не слѣдуетъ

забывать—есть обѣтъ, на случай вдовства, фактическаго монашества. Цвѣтъ нашего монашества—вся наша высшая духовная іерархія вышла и впредь будетъ выходить изъ нашихъ Академій. Множество изъ самыхъ выдающихся нашихъ іерарховъ были приведены къ монашеству не призваніемъ, сложившимся съ юныхъ лѣтъ, а перстомъ Божіимъ, путемъ вдовства.

Веду я эту рѣчь къ тому, чтобы напомнить вамъ, что отъ духа, нравственнаго строя нашихъ Академій зависитъ не только будущность нашего бѣлаго духовенства, но и будущность нашего монашества, нашихъ монастырей.

Современные монастыри не пользуются сочувствіемъ молодежи, учащейся въ Семинаріяхъ и Академіяхъ. Но это, конечно, не мѣшаетъ вамъ сознавать громадное значеніе этихъ монастырей въ прошломъ и возможность столь же громаднаго ихъ значенія въ будущемъ. Не можете вы отрицать и въ настоящемъ великаго значенія такихъ обителей, каковы Валаамъ и Оптина пустынь.

Такихъ монастырей очень мало. Число же монастырей заурядныхъ значительно и ежегодно увеличивается.

Не приходило-ли вамъ на мысль, какая громадная дремлющая сила—эти монастыри, разсыпанные по всей Россіи, и нынѣ, при всемъ своемъ несовершенствѣ, неотразимо привлекающіе сердца одною высотою своего богослуженія да нравственною высотою немногихъ истинныхъ иноковъ? Не задумывались-ли вы надъ тѣмъ, какъ должна возрасти эта сила въ самомъ ближайшемъ будущемъ, когда русскій народъ будетъ поголовно грамотнымъ, слѣдовательно, не будетъ и безграмотныхъ монаховъ?

Одиночная дѣятельность о. Никона, того скромнаго монаха Сергіевой Лавры, который написалъ около 600 «Троицкихъ Листковъ» и распространилъ ихъ въ количествѣ сорока милліоновъ, есть лишь слабый образчикъ той коллективной просвѣтительной дѣятельности, которая предстоитъ нашимъ монастырямъ.

Но думаете-ли вы, чтобы такая дѣятельность была возможна безъ нравственнаго подъема и очищенія нашей монастырской жизни? Думаете-ли вы, чтобы русскій народъ продолжалъ стремиться къ нашимъ обителямъ, когда Евангеліе будетъ во всѣхъ рукахъ, если на этихъ обителяхъ не почіетъ отблескъ евангельской чистоты? Полагаете-ли вы, что такое возрожденіе нашихъ монастырей, настоятельно необходимое, можетъ совершиться помимо самыхъ образованныхъ, самыхъ сознательныхъ представителей монашества, которые могутъ выйти только изъ вашей среды?

Блюдите, возвышайте нравственный строй этой драгоцѣнной среды, чтобы могли въ ней зарождаться и крѣпнуть монахи истинные, а не монахи карьеристы. Эти истинные монахи—цвѣтъ нашей Цер-

кви, соль нашей земли. Только съ умноженіемъ ихъ умножаются и обители, подобныя Оптиной пустыни и Валааму. Громадное вліяніе первой изъ этихъ обителей на высшіе образованнѣйшіе классы нашего общества вамъ извѣстно. Извѣстно-ли вамъ вліяніе Валаама на людей болѣе простыхъ и темныхъ? Извѣстно-ли вамъ, что на Валаамѣ соблюдается абсолютная трезвость, и что этимъ именно сохраняется то благоуханіе святыни, коимъ дышитъ жизнь скромныхъ монаховъ этого монастыря? Что значатъ всѣ наши общества трезвости въ сравненіи съ этимъ примѣромъ, сіяющимъ предъ глазами безчисленныхъ богомольцевъ изъ всѣхъ краевъ Россіи! Ибо тутъ, въ художественной цѣльности, является соединеніе трезвости, цѣломудрія, трудолюбія, смиренія, благотворительности, жизнь въ Богѣ и для Бога.

Итакъ помните, что всякій вашъ нравственный подвигъ, всякій вашъ шагъ къ усовершенію нравственному имѣетъ значеніе несравненно болѣе широкое и важное, чѣмъ личное ваше преуспѣяніе духовное. И это относится и къ тѣмъ изъ васъ, коимъ, быть можетъ, предстоитъ поприще самое скромное. Ибо лишь изъ совокупности личныхъ усилій каждаго изъ васъ надъ самимъ собою можетъ создаться тотъ строй и духъ академической жизни, который нуженъ, чтобы воспитать дѣятелей великихъ.—Да хранитъ васъ Богъ и укрѣпитъ васъ въ исканіи и осуществленіи добра!

XIV.

23 Декабря.

Любезный N.

Въ благословенной Италіи, гдѣ около каждаго дома вьются виноградныя лозы, гдѣ всякій зажиточный земледѣлецъ пьетъ свое вино — пьянство почти неизвѣстно. Я провелъ цѣлую зиму въ Римѣ, не въ нынѣшней шумной столицѣ Италіи, а въ прежнемъ, папскомъ Римѣ, величавомъ и безмолвномъ, — и ни разу не встрѣтилъ на улицахъ пьянаго человѣка. Причина тому понятна. Виноградное вино — тамъ предметъ домашняго производства. Домашнее это вино, очень вкусное, содержитъ столь мало алкоголя, что, принятое въ количествѣ, не обременяющемъ желудка, оно производитъ лишь легкое возбужденіе, сравнимое скорѣе съ ободряющимъ дѣйствіемъ чая или кофе, чѣмъ съ одуряющимъ дѣйствіемъ водки, — и сообразно съ свойствами этого легкаго вина сложились вкусы и привычки населенія.

Совсѣмъ иное у насъ. Чистыя виноградныя вина въ Россіи — предметъ высочайшей роскоши. Собственно доступны намъ въ чистомъ видѣ только вина крымскія и бессарабскія. Но эти вина, дѣйствительно чистыя, довольно дороги и притомъ относятся къ винамъ крѣпкимъ (они занимаютъ средину между винами испанскими и столовыми винами французскими). Что же касается до тѣхъ винъ, яко-бы ино-

странныхъ, и виноградныхъ, которыя продаются повсюду по цѣнамъ до двухъ рублей за бутылку, то это не что иное, какъ водка, разнообразно разбавленная, подслащенная и подкрашенная, къ коей подбавлено ради букета лишь малое количество виноградного вина, обыкновенно кавказскаго. Даже высокіе сорта иностранныхъ винъ доходятъ до насъ съ довольно значительною примѣсью водки, которая подбавляется не только для прочности, но и для удовлетворенія русскихъ вкусовъ и привычекъ.

Изъ этого слѣдуетъ, что громадное большинство русскихъ людей, не только низшихъ, но и среднихъ классовъ, изъ спиртныхъ напитковъ пьетъ только водку, пьетъ несомнѣнный ядъ, въ самыхъ малыхъ пріемахъ на человѣка непривычнаго дѣйствующій вредно и въ физическомъ отношеніи и въ нравственномъ, неотразимо разслабляя волю.

Вотъ, почему я настаиваю для людей молодыхъ, находящихся въ періодѣ, въ коемъ слагается и крѣпнетъ воля, на абсолютной трезвости. Вотъ, почему я предлагаю срочные обѣты трезвости, періодически возобновляемые: за человѣкомъ для того, чтобы окрѣпла его воля, должна быть оставлена разумная мѣра свободы. Вполнѣ допускаю возможность умѣреннаго, безвреднаго употребленія спиртныхъ напитковъ: примѣры его у всѣхъ на глазахъ. Но отрицаю эту возможность для людей, съ волею не окрѣпшею,

съ характеромъ не сложившимся. Они не въ силахъ противустоять разслабляющему дѣйствію первой рюмки вина: за этою первою рюмкою всегда можетъ послѣдовать вторая, третья и десятая. Опасность эта уменьшается съ годами, съ нравственнымъ ростомъ человѣка. Но она никогда не исчезаетъ вполнѣ. Вотъ, почему считаю полное воздержаніе дѣломъ благимъ и для людей взрослыхъ и зрѣлыхъ, особенно для тѣхъ, которые призваны руководить другими, воспитывать ихъ и назидать, т. е. для учителей, для духовенства, для родителей. До этого убѣжденія довела меня долгая педагогическая дѣятельность, долгое общеніе съ учителями и священниками, долгая жизнь, протекшая въ самыхъ разнообразныхъ общественныхъ сферахъ. Могу-ли не подѣлиться этимъ убѣжденіемъ съ вами, будущимъ пастыремъ и учителемъ?

Итакъ, прочтите терпѣливо мои безсвязныя писанія. Съ вами говоритъ человѣкъ, отъ души желающій вамъ добра.

XV.

23 Декабря.

Любезный N.

Истекшіе два года ознаменовались повсемѣстнымъ возникновеніемъ обществъ трезвости. Ужасающее усиленіе пьянства во всѣхъ сословіяхъ вызвало эту форму борьбы противъ возрастающаго зла. Иниціатива нѣкоторыхъ усердныхъ дѣятелей пошла на-

встрѣчу назрѣвшей потребности, и доброе дѣло съ каждымъ днемъ разрастается.

На это явленіе тотчасъ обратило вниманіе наше высшее духовное начальство: епархіальные архіереи и самъ св. Синодъ. Духовенство, и городское и сельское, настойчиво побуждается принять дѣло въ свои руки, способствовать борьбѣ съ пьянствомъ и словомъ, и примѣромъ, и основаніемъ при церквахъ обществъ трезвости.

Ничто не можетъ быть разумнѣе такого отношенія къ дѣлу нашихъ духовныхъ властей. Дѣйствительно, борьба съ пьянствомъ есть дѣло по преимуществу пастырское. Привести къ результатамъ благотворнымъ и прочнымъ она можетъ только, если она ведется на почвѣ религіозной, въ формахъ освященныхъ Церковью. Желательно ли, прилично ли, чтобы въ этомъ дѣлѣ, по существу своему входящему въ кругъ дѣятельности пастырской, на первый планъ выдвигались міряне, подобные мнѣ, или даже люди, прямо враждебные Церкви, какъ гр. Л. Н. Толстой?

Но въ побужденіяхъ, исходящихъ отъ высшаго духовнаго начальства, заключается и нѣкоторая опасность. Приходское наше духовенство привыкло смотрѣть на подобныя архипастырскія увѣщанія съ точки зрѣнія канцелярской, какъ на бумаги „къ исполненію“, и при такомъ взглядѣ „исполненіе“

это рискуетъ сдѣлаться каррикатурою предначертаній высшаго духовнаго начальства.

Говорю не на основаніи однихъ лишь предположеній. Уже теперь многіе священники, преданные неумѣренному употребленію спиртныхъ напитковъ, ничтоже сумняся, и не думая измѣнить своего образа жизни, принялись усиленно проповѣдывать противъ пьянства, и заводить общества трезвости.

Разумѣется, такая проповѣдь возбуждаетъ въ слушателяхъ только смѣхъ, такія „общества трезвости“ существуютъ только на бумагѣ (въ члены такими священниками обыкновенно записываются дѣти да немногіе взрослые прихожане, не употребляющіе водки — десятокъ таковыхъ можно найти во всякомъ приходѣ.)

Этимъ путемъ только усиливается соблазнъ, производимый пьянствомъ священника. Но „бумага“ очищена. Произнесено столько-то проповѣдей. Основано общество, и членовъ въ немъ числится столько-то.

Пишу вамъ объ этомъ для того, чтобы обратить ваше вниманіе на зло, несравненно болѣе глубокое и общее, чѣмъ самое пьянство нашего духовенства. Зло это — та *ложь*, коею проникнуты всѣ отношенія его и къ начальству и къ пасомымъ. Наши сельскіе батюшки громко исповѣдуютъ что „*ложь* (а не ложъ) *конь во спасеніе*“, придавая этому изреченію

Псалмопѣвца, чрезъ превращеніе подлежащаго въ сказуемое, кощунственный смыслъ поощренія ко лжи.... Это толкованіе я своими ушами слышалъ отъ нашего отца благочиннаго на экзаменѣ въ сельской школѣ — и сгорѣлъ отъ стыда, но скандала поправить не могъ, ибо спорить — значило бы его подчеркнуть.

Ради Христа, обратите на это зло все ваше вниманіе, боритесь, побѣдите его въ вашей будущей учительской и пастырской практикѣ. Увы! въ педагогической практикѣ духовно-учебныхъ заведеній первымъ, постояннымъ поводомъ ко лжи служитъ именно пьянство учащихъ и учащихся. Пить водку воспитанникамъ абсолютно воспрещено. Но они пьютъ, и помѣшать этому пьющіе наставники не въ силахъ... Отсюда преступное снисхожденіе, лицемѣрное укрывательство зла, отсюда гибель цѣлыхъ поколѣній служителей алтаря. Сжальтесь надъ будущими вашими воспитанниками, будущими пасомыми. Сохраните за собою свободу спасать ихъ отъ опасности, постоянно имъ грозящей. Спасти ихъ можете только вы — не полицейскими мѣрами, не красными рѣчами, а только примѣромъ вашей жизни. Пустое-ли, праздное-ли дѣло я предлагаю вамъ?

Да поможетъ-же вамъ Богъ совершить его!

XVI.

24 Декабря.

Любезный N.

Между религіозными движеніями, смутно зарождающимися въ Западной Европѣ, ни одно, быть можетъ, не облеклось въ формы столь смѣшныя и отталкивающія, какъ то, которое воплотилось въ учрежденіи пресловутой ,,арміи спасенія". Вамъ извѣстны изъ газетъ уличныя дѣянія этой ,,арміи". Пестрая толпа мужчинъ и женщинъ изъ низшихъ и среднихъ классовъ, именующихъ себя полковниками, офицерами, рядовыми, въ военныхъ мундирахъ, съ барабаннымъ боемъ и распущенными знаменами, расхаживаетъ по улицамъ, призывая къ спасенію; устраиваются на площадяхъ и въ наемныхъ помѣщеніяхъ импровизованныя богослуженія, порядокъ которыхъ зависитъ отъ вдохновенія руководителя. ,,Армія" издаетъ уличные листки съ военными названіями, въ коихъ о дѣлахъ внутренней миссіи говорится до послѣднихъ подробностей техническимъ языкомъ военнаго дѣла... Это—верхъ безвкусія, это граничитъ съ кощунствомъ. Какъ объяснить себѣ эту игру въ солдатики на почвѣ религіозной?

Объясненіе заключается въ томъ, что тутъ— не одна игра. Настольная книга «генерала» Бутса— уставъ англійской арміи, и его армія спасенія—дѣйствительное войско. Дисциплина въ ней царствуетъ безусловная, примѣрная, не дисциплина внѣшнихъ

формъ, а дисциплина нравственная, дисциплина полнаго, искренняго послушанія. Всѣ члены организаціи ведутъ абсолютно чистую семейную жизнь, и жены— обязательныя помощницы своихъ мужей въ дѣлахъ церковныхъ. Въ противоположность монашескимъ орденамъ, армія спасенія строитъ именно на бракѣ свою боевую организацію. Самъ генералъ Бутсъ возлагалъ на свою жену (недавно умершую) добрую половину своихъ трудовъ. У него пять сыновей и семь дочерей. Всѣ они отъ рожденія воспитаны для миссіонерской дѣятельности. Всѣ они нынѣ проповѣдуютъ, кто въ Англіи, кто въ Америкѣ и Индіи, кто въ разныхъ странахъ Европы. Всѣ члены арміи (ихъ около 23,000) придерживаются *абсолютной* трезвости. Нравственное вліяніе «арміи» на низшіе слои населенія Англіи—громадное. Главная газета арміи—The war cry—(военный кличъ) расходится въ 300,000 экземпляровъ. Въ фабричныхъ центрахъ, посѣщаемыхъ отрядами «арміи», во все время пребыванія въ нихъ отряда, кабаки остаются совершенно пустыми. Всякое такое посѣщеніе оставляетъ за собою многочисленныхъ обращенныхъ (по нелѣпой терминологіи арміи— плѣнниковъ) добровольно подчинившихся строгой нравственной дисциплинѣ арміи. О силѣ и прочности организаціи ея всего яснѣе свидѣтельствуютъ громадныя денежныя средства, коими оно располагаетъ, и которыя собраны исключительно съ людей бѣдныхъ,

такъ какъ до послѣдняго времени высшіе классы относились къ затѣѣ генерала Бутса съ презрительною насмѣшкою. Армія тратитъ ежегодно 750,000 фунтовъ стерлингъ (сравните по курсу, сколько это милліоновъ рублей) и содержитъ безчисленное множество безплатныхъ школъ, библіотекъ, столовыхъ, пріютовъ для сиротъ, увѣчныхъ, больныхъ, умалишенныхъ, падшихъ женщинъ... Каноникъ Лиддонъ, одно изъ свѣтилъ англиканской церкви, англійскій златоустъ, какъ величаютъ его соотечественники, посѣтивъ одно изъ собраній арміи спасенія, сказалъ: «Стыжусь самого себя!... Если только подумать, какая малая доля истины доступна этимъ бѣднымъ людямъ! А между тѣмъ, какой контрастъ между тѣмъ, чего они достигаютъ, и тѣмъ, чего достигаемъ мы! Да, то, что я воочію видѣлъ на этомъ собраніи, исполнило меня стыда за всѣхъ насъ, обладающихъ полнотою истины и не умѣющихъ пользоваться ею!»

А вотъ слова одного изъ выдающихся мыслителей Англіи:

«Да, всѣ мы были на ложномъ пути, всѣ мы— Гербертъ Спенсеръ, Матью Арнольдъ, Гаррисонъ и прочіе, положившіе свою жизнь на борьбу съ суевѣріемъ, на созданіе новой эры, основанной на разумѣ, развитіи, просвѣщенномъ пониманіи собственной пользы. Этотъ Бутсъ болѣе подѣйствовалъ на современное поколѣніе, чѣмъ всѣ мы, вмѣстѣ взятые».

Нужно замѣтить, что въ богословствованіе армія спасенія до сихъ поръ не пускалась, ограничивалась признаніемъ общихъ всѣмъ христіанскимъ исповѣданіямъ догматическихъ элементовъ. Но эта мудрая сдержанность едва-ли продлится. Генералъ Бутсъ уже издалъ книгу, въ коей излагаетъ широкіе свои благотворительные замыслы, направленные къ нравственному воскрешенію массъ, погибающихъ въ нищетѣ и безвѣріи. Вступивъ на поприще литературное, оно едва-ли избѣгнетъ болѣе точнаго опредѣленія вѣроученія арміи, а такія опредѣленія для религіозныхъ организацій, оторванныхъ отъ Церкви, въ высшей степени опасны. Ибо та полнота истины, о которой говоритъ каноникъ Лиддонъ, доступна только Церкви, и отчужденіе отъ нея, неминуемо, рано или поздно, ведетъ къ умствованіямъ кривымъ и одностороннимъ, въ свою очередь влекущимъ за собою пагубныя практическія послѣдствія.

Нравственный-же успѣхъ, достигнутый арміею спасенія, зависитъ исключительно отъ элементовъ несомнѣнно церковныхъ, вошедшихъ въ ея устройство.

Дикій военный церемоніалъ, въ который она облекла свою дѣятельность, есть лишь одинъ изъ тысячи симптомовъ необходимости внѣшнихъ формъ богопочитанія. Потребность въ нихъ столь присуща природѣ человѣческой, что и въ протестантскомъ мірѣ, сдѣлавшемъ все возможное для подавленія этой

потребности, она громко заявляетъ свои права, и, лишенная богослужебныхъ сокровищъ, накопленныхъ вѣками, находитъ временное удовлетвореніе въ формахъ безвкусныхъ и нелѣпыхъ, но сильно дѣйствующихъ на внѣшнія чувства, на огрубѣвшее воображеніе уличной толпы. Совершенно церковна строгая нравственная дисциплина, господствующая въ арміи, и въ высшей степени желательно, чтобы такая-же дисциплина установилась въ Церкви, не только въ теоріи, но и на практикѣ. Мнѣ нѣтъ надобности напоминать вамъ, что въ нашей Церкви она не существуетъ. Всѣ вы, питомцы Церкви, подвержены строгой регламентаціи, но сознанія нравственной обязанности повиновенія въ васъ нѣтъ, и поэтому вся эта регламентація остается мертвою буквою, вредною ложью. Она не исполняется, а обходится. Не повиноваться научаетесь вы, а только скрывать свое неповиновеніе. Поэтому при переходѣ къ дѣятельности практической, вы, въ качествѣ учителей и пастырей, оказываетесь безсильными. Ибо человѣкъ, не прошедшій школу искренняго повиновенія, абсолютно неспособенъ пріобрѣсти надъ другими ту нравственную власть, которая составляетъ сущность пастырства и учительства.

Вполнѣ церковенъ въ арміи спасенія христіанскій взглядъ на бракъ, какъ на средство взаимной помощи и въ личномъ спасеніи и въ назиданіи ближ-

няго. Жена наставника, жена пастыря обязана въ предѣлахъ и формахъ, допущенныхъ Церковью, помогать своему мужу въ его жизненномъ дѣлѣ. Какую громадную помощь въ ихъ пастырской дѣятельности могли бы оказать нашимъ священникамъ ихъ жены и дочери! Но, къ сожалѣнію, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, самая-то дѣятельность эта не существуетъ!

Наконецъ, и паче всего, церковна нравственная жизнь наставниковъ арміи: ихъ цѣломудріе, ихъ ранніе браки, ихъ абсолютная трезвость, ихъ непрестанный трудъ, ихъ безкорыстіе (довольствуются они содержаніемъ скуднымъ, исключающимъ всякую мысль о роскоши). Люди эти дѣлаютъ все, что въ ихъ силахъ, чтобы назидать свою паству, не только словомъ, но и дѣломъ. Отсюда радостное, свѣтлое настроеніе, господствующее въ арміи. Совѣсть этихъ людей спокойна, жизнь ихъ полна. Поэтому и слово ихъ дѣйствительно.

Итакъ, не станемъ гордиться тою полнотою истины, коею мы обладаемъ, какъ сыны православной Церкви. Скорѣе мы должны стыдиться того, что, при обладаніи этою полнотою, намъ еще приходится учиться многому отъ такого уличнаго сброда, какъ «армія спасенія».

Благодареніе Богу! Православная Церковь не нуждается въ барабанахъ, чтобы привлекать своихъ чадъ къ слушанію слова Божія.

Величественная одежда нашего духовенства повнушительнѣе военныхъ мундировъ. Чиноначаліе, нравственные уставы нашей Церкви сохранены въ незыблемой цѣлости и чистотѣ. Станемъ-же наконецъ достойными наполнить эти величавыя рамки, станемъ православными христіанами духомъ и истиною, станемъ искренними въ словѣ и дѣлѣ—и для насъ станетъ немыслимымъ искать примѣра и назиданія въ такихъ смутныхъ и преходящихъ явленіяхъ, какъ «армія спасенія»!

Но пора кончить это слишкомъ длинное письмо. Боюсь утомить васъ, и поэтому именно пишу каждому изъ васъ въ отдѣльности. Вѣрю, что искреннее мое слово никому изъ васъ не принесетъ вреда, а васъ лично наведетъ на мысли добрыя.

XVII.

Любезный N. *24 Декабря.*

Одинъ изъ самыхъ распространенныхъ предразсудковъ противъ трезвости есть тотъ, который приписываетъ алкоголю дѣйствіе согрѣвающее, якобы драгоцѣнное въ нашемъ суровомъ климатѣ. Въ жизни всякаго рабочаго человѣка, говорятъ мнѣ, есть случаи, гдѣ необходимо для сохраненія здоровья, самой жизни, быстро согрѣться, и для этого лучшее средство—рюмка водки. Требовать абсолютной трезвости отъ священника, прибавляютъ многіе, просто жесто-

кость. Священникъ обязанъ во всякую погоду спѣшить съ покаяніемъ къ умирающему. Онъ обязанъ совершать въ лютый морозъ службы и требы на открытомъ воздухѣ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ рюмка водки ему необходима.

Нѣтъ сомнѣнія, что пріемъ алкоголя доставляетъ озябшему человѣку благотворное *ощущеніе* теплоты (происходящее отъ прилива крови къ внѣшнимъ покровамъ); но столь же несомнѣнно, *термометрически доказано,* что всякій пріемъ алкоголя понижаетъ температуру тѣла, и чрезъ это дѣлаетъ его болѣе воспріимчивымъ къ простудѣ, а въ случаѣ сильныхъ пріемовъ алкоголя и очень низкой внѣшней температуры, значительно усиливаетъ опасность замерзанія. До 99% случаевъ замерзанія происходитъ съ людьми, неумѣренно выпившими.

Самымъ низкимъ температурамъ подвергаются люди, подымающіеся на значительную высоту надъ уровнемъ моря при посѣщеніи горныхъ вершинъ, и люди, посѣщающіе страны полярныя.

Профессоръ Тиндаль, спеціалистъ по изслѣдованію горныхъ вершинъ, совершившій безчисленныя восхожденія, предостерегаетъ путешественниковъ противъ употребленія спиртныхъ напитковъ во время этихъ восхожденій. Временное усиленіе энергіи, вызванное этими напитками, влечетъ за собой соотвѣтствующій упадокъ силъ; охлажденіе же крови, про-

исходящее отъ алкоголя, влечетъ за собою оцѣпенѣніе и опасность замерзанія.

Докторъ Алексѣевъ, подробно изучившій, въ Западной Европѣ и Сѣверной Америкѣ вопросъ объ алкоголизмѣ и трезвости, сообщаетъ слѣдующій любопытный фактъ. До середины текущаго столѣтія китоловныя суда, отправлявшіяся на промыселъ въ страны полярныя, постоянно брали съ собой значительные запасы коньяка и рома, для поддержанія силъ и здоровья своего экипажа при температурахъ, исключительно низкихъ, положительно вредныхъ для человѣческаго организма. Но съ развитіемъ въ Англіи и Америкѣ обществъ абсолютнаго воздержанія оказалось, что люди *абсолютно* трезвые несравненно лучше переносятъ низкія температуры, чѣмъ ихъ пьющіе товарищи. Это преимущество людей трезвыхъ столь разительно, что нынѣ принято правило для китоловныхъ судовъ не брать съ собою *ни капли* спиртныхъ напитковъ на полярныя плаванія, такъ какъ холодъ усиливаетъ опасный позывъ къ этимъ напиткамъ въ людяхъ, къ нимъ привыкшихъ.

Полагаю нелишнимъ сообщить вамъ эти факты, такъ какъ предразсудокъ о *пользительности* водки весьма распространенъ въ духовномъ сословіи.

Водка, какъ всякій ядъ, въ извѣстныхъ случаяхъ можетъ служить драгоцѣннымъ лѣкарствомъ. Но опредѣленіе этихъ случаевъ, довольно рѣдкихъ,

принадлежитъ врачу. Притомъ лѣкарство это производитъ свое дѣйствіе на людей крайне умѣренныхъ или абсолютно трезвыхъ, ибо *привычка* къ водкѣ уничтожаетъ ея цѣлебное дѣйствіе.

Это я испыталъ на себѣ. Лѣтъ пять тому назадъ я заболѣлъ оспою, болѣзнію въ мои лѣта тяжкою. По минованіи болѣзни насталъ совершенный упадокъ силъ, который былъ устраненъ пріемомъ *одной* ложки хереса за обѣдомъ и ужиномъ. Само собою разумѣется, что такой пріемъ на человѣка, употребляющаго спиртные напитки ежедневно, не произвелъ бы никакого дѣйствія. Но я уже четыре года не пилъ ни вина, ни водки.—Подробности эти мелочны, соображенія эти ничтожны, въ сравненіи съ нравственною стороною вопроса о трезвости; но и на эту сторону дѣла слѣдовало указать во избѣжаніе недоразумѣній.

То, что намъ нравственно полезно, никогда не вредитъ нашему здоровью. Иначе и быть не можетъ, если истина то, что говоритъ Библія о сотвореніи человѣка.

Да сохранитъ же васъ Богъ отъ всего того, что могло бы нарушить въ васъ образъ и подобіе Божіе.

XVIII.

24 Декабря.

Любезный N.

Спаситель нашъ Іисусъ Христосъ несомнѣнно пилъ вино (Пріиде Сынъ человѣческій, ядый и піяй.... Не имамъ пити отъ сего плода лознаго...)

Не грѣшимъ-ли мы, проповѣдуя воздержаніе, коему не находимъ примѣра въ земной жизни Спасителя?

Полагаю, что нѣтъ. И это по слѣдующимъ причинамъ.

Никому изъ разумныхъ проповѣдниковъ трезвости никогда не приходило на умъ считать за грѣхъ умѣренное употребленіе легкихъ виноградныхъ винъ, не производящее никакого опьяненія.

Грѣхъ заключается именно въ приведеніи себя въ это состояніе какими-бы то ни было средствами: виномъ ли, водкою, опіемъ или гашишемъ. Спаситель, принявшій на себя естество человѣческое, развѣ грѣха, не могъ пить вина иначе, какъ въ мѣрѣ абсолютно безгрѣшной.

Но какъ велика опасность для человѣка, причастнаго грѣху—даже для величайшаго праведника, преступить эту мѣру,—мы видимъ изъ примѣра Іоанна Крестителя. Онъ, коего болій не воста въ рожденныхъ женами, счелъ-же нужнымъ оградить себя назорейскимъ обѣтомъ и не пить ни вина, ни

сикера.... И замѣтьте, что опасности, насъ окружающія, несравненно сильнѣе, чѣмъ тѣ, коимъ подвергался Предтеча. Въ его времена не существовали тѣ сильно и быстро опьяняющіе напитки, которые нынѣ одни намъ постоянно доступны. Какъ же намъ, грѣшнымъ и слабымъ, считать себя въ этомъ отношеніи болѣе сильными и стойкими, чѣмъ тотъ, кто былъ лишше Пророка? Не достойнѣе ли, не разумнѣе ли смиренно слѣдовать его примѣру?

Напомню вамъ по этому поводу другую черту изъ жизни Спасителя—насильственное изгнаніе торжниковъ изъ храма. Примѣръ этотъ доказываетъ, что не всякое насиліе есть грѣхъ. Но разумно ли, осторожно ли мы поступимъ, принявъ именно этотъ примѣръ изъ жизни Христа за норму нашего поведенія? Не сообразнѣе-ли со слабостію человѣческой природы памятовать заповѣдь Спасителя: побѣждайте зло добромъ?

Поэтому не говорю вамъ: всякое насиліе есть грѣхъ. Но говорю: воспитайте душу вашу въ совершенной кротости, чтобы праведный гнѣвъ вашъ противъ зла никогда не вовлекалъ васъ въ злобу противъ ближняго.

Не говорю вамъ: всякое винопитіе есть грѣхъ. Но умоляю васъ: воспитайте вашу волю совершенною трезвостію, чтобы никогда винопитіе не вовлекло васъ въ грѣхъ опьяненія.

Вотъ смыслъ тѣхъ срочныхъ обѣтовъ, которые я предлагаю вамъ, извѣдавъ ихъ пользу на безчисленныхъ опытахъ. Предлагаю ихъ вамъ только потому, что положительно *знаю,* какое неисчислимое добро исполненіе подобныхъ обѣтовъ принесло бы и лично вамъ, и вашимъ близкимъ.

Итакъ, да поможетъ вамъ Богъ примкнуть къ нашему союзу.

XIX.

25 Декабря.

Любезный N.

Свобода—величайшее изъ нравственныхъ благъ. Безусловной свободы нѣтъ на землѣ, ибо наша благая воля ограничена неразрывною до нашей смерти связью души съ тѣломъ, ограничена тысячью воздѣйствій внѣшнихъ, матеріальныхъ и нравственныхъ. Тѣмъ болѣе должны мы дорожить тою долею свободы, которая намъ на землѣ доступна, тѣмъ болѣе остерегаться отъ наложенія добавочныхъ путъ на нашу разумную волю.

Изъ этихъ путъ—самыя тяжелыя и цѣпкія—наши привычки, наши искусственныя, нами самими созданныя, потребности. Сюда относятся всѣ, такъ называемыя, потребности комфорта, роскоши, безцѣльнаго развлеченія, искусственнаго возбужденія. Сюда прежде всего относится искусственная потребность въ спиртныхъ напиткахъ. Ибо эта привычка

не только есть порабощеніе неестественному позыву, но вмѣстѣ съ тѣмъ источникъ постепеннаго ослабленія, глубокаго извращенія воли,—свободною же можетъ быть только воля здоровая и сильная.

Власть нашей воли надъ міромъ внѣшнимъ ограничена весьма тѣсными предѣлами; власть же ея надъ животною половиною нашего «*я*» столь обширна, что предѣловъ ея указать невозможно. Въ этомъ убѣждаетъ насъ и исторія великихъ подвижниковъ, и наблюденіе надъ нашими ближними, и, яснѣе всего, терпѣливое наблюденіе и опытъ нашъ надъ самими собою. Да сохранитъ насъ Богъ съуживать этотъ просторъ, Имъ намъ дарованный. Ибо только на этомъ просторѣ и возможна дѣятельность, отражающаяся на внѣшнемъ мірѣ, дѣятельность, служащая ко благу и возвышенію ближняго. Ибо не чистый разумъ управляетъ міромъ, а разумная воля, освященная любовію. Но вслѣдъ за упраздненіемъ воли притупляющее дѣйствіе спиртныхъ напитковъ погашаетъ и разумъ, обезсиливаетъ любовь. Да сохранитъ васъ Богъ отъ медленнаго, подчасъ и страшно-быстраго, рокового процесса разложенія, который влечетъ за собою усиливающаяся привычка къ спиртнымъ напиткамъ. А чтобы этотъ жерновъ, который сами мы возлагаемъ себѣ на выю, не потянулъ васъ ко дну, не возлагайте его на себя; если онъ уже возложенъ, сбросьте его! Дайте окрѣпнуть вашей

волѣ до той степени, при которой винопитіе не можетъ болѣе сдѣлаться привычкою, а до тѣхъ поръ— не пейте вовсе вина! Повторяю—это единственное средство, чтобы обезпечить за собою величайшее изъ благъ земныхъ, чтобы сохранить его за собою и за тѣми человѣческими душами, которыя будутъ ввѣрены вашему попеченію. Ибо, если вы погибнете въ борьбѣ со злымъ порокомъ, вы погибнете не одинъ, а погубите тысячи ближнихъ. Вы призваны учить, назидать, спасать души. Не забывайте этого, и послѣдовать моему совѣту вамъ будетъ легко.

Да поможетъ же вамъ Богъ исполнить его.

XX.

25 Декабря.

Любезный N.

Школьное дѣло въ сѣверной полосѣ Россіи обставлено не малыми трудностями. Одна изъ главныхъ между ними—рѣдкость населенія, разбросанность малыхъ деревень на значительныхъ пространствахъ, не позволяющая дѣтямъ ежедневно *ходить* въ школу, но заставляющая ихъ *жить* при ней, чтобы имѣть возможность учиться.

Отсюда важность устройства при школахъ общежитій, въ которыхъ ученики могли бы подъ надлежащимъ надзоромъ, найти пріютъ въ учебный періодъ года, могли бы и въ часы свободные отъ уро-

ковъ упражняться въ нехитрыхъ умѣніяхъ, сообщаемыхъ имъ въ школѣ.

Взвѣсьте, какую отвѣтственность возлагаетъ на учителей такое, вынужденное обстоятельствами, устройство школъ. Сорокъ, пятьдесятъ дѣтей, собранныхъ подъ одною крышею, *ни на минуту* нельзя оставлять однихъ. Добрый учитель, завѣдующій школою съ общежитіемъ, поднимаетъ подвигъ, въ своей неприглядности и скромности святой и великій. Вознагражденъ онъ только возможностью сдѣлать для своихъ питомцевъ несравненно болѣе, чѣмъ можетъ сдѣлать учитель, имѣющій дѣло со своими учениками только во время классовъ.

Мною устроено не мало школъ съ общежитіями. Вы поймете, что это возложило на меня и обязанность подготовлять учителей, способныхъ завѣдывать такими школами. Это дѣло наряду съ обученіемъ малыхъ ребятъ и наполнило пятнадцать лѣтъ моей жизни. Оно и навело меня на мои заботы о трезвости. Вы согласитесь, что поручить *всецѣло* на половину года пятьдесятъ дѣтей можно только человѣку абсолютно трезвому.

Благодареніе Богу! Изъ всѣхъ учителей, воспитанныхъ мною (около сорока) только *одного* не удалось мнѣ оградить отъ винопитія.

Два слова о послѣднемъ. Это былъ мальчикъ, очень способный и добрый, но изъ пьяной семьи,

и пристрастіе къ водкѣ было привито къ нему съ ранняго дѣтства, какъ это, увы! слишкомъ часто случается въ крестьянскомъ быту. Тѣмъ не менѣе, мнѣ удалось побудить его къ усилію надъ собою, и онъ года два придерживался трезвости безусловной.

Я рѣшился поручить ему одну изъ основанныхъ мною школъ (церковно-приходскую). По этому случаю я самъ послалъ его сдѣлать визитъ нашему отцу благочинному, человѣку крайне самолюбивому. Отъ отца благочиннаго онъ вернулся совершенно пьянымъ. Отецъ благочинный—отъявленный врагъ общества трезвости, но я не ожидалъ отъ него такой рѣшительности и быстроты дѣйствій.

Это было началомъ гибели несчастнаго юноши. Нынѣ онъ въ состояніи полной нравственной невмѣняемости и никакого дѣла ему поручить невозможно.

Понимаете-ли вы теперь настойчивость моей проповѣди трезвости, именно, въ средѣ духовнаго юношества? Говорю вамъ вещи не надуманныя, а пережитыя и выстраданныя. Отвѣтственность учителя бѣдной сельской школки—что она, въ сравненіи съ отвѣтственностью, предстоящею каждому изъ васъ? Мое ничтожное дѣло—что въ сравненіи съ тѣмъ дѣломъ, которое можетъ, которое должно быть совершено, не говорю, всѣми вами въ совокупности, но каждымъ изъ васъ въ отдѣльности, но лично вами, къ кому я пишу эти строки?

Я боленъ и старъ. И то немногое, что я дѣлаю теперь, скоро станетъ мнѣ непосильнымъ. Какъ же не взывать мнѣ о помощи, и именно къ вамъ, призванному на дѣло спасенія душъ, къ вамъ, молодому и сильному?

Итакъ, помогите! и да хранитъ васъ Богъ.

XXI.

Любезный N. *25 Декабря.*

Если въ чемъ либо съ церковнымъ преданіемъ никогда не расходилась библейская критика, даже самаго отрицательнаго оттѣнка, то это—въ признаніи глубокой древности книги Судей.

Въ этой книгѣ, а именно, въ несравненномъ прологѣ къ сказанію о Сампсонѣ (гл. 8), мы находимъ драгоцѣнное дополненіе къ гл. 6 кн. Чиселъ, посвященной изложенію предписаній, относящихся къ назореямъ.

Ангелъ, возвѣщающій матери Сампсона о его рожденіи и о томъ, что онъ будетъ назореемъ Божіимъ, какъ нѣчто, само собою разумѣющееся, возлагаетъ и на мать будущаго назорея временные обѣты назорейства—черта глубоко знаменательная, въ виду очевидной наслѣдственности пороковъ, проистекающихъ изъ ослабленія и извращенія воли.

Самая книга Чиселъ говоритъ о назорействѣ, какъ объ институтѣ существующемъ, давно извѣстномъ. И

эта черта заслуживаетъ особеннаго вниманія, въ виду духовнаго, чисто новозавѣтнаго характера этого института.

Дѣйствительно, назорейство выходитъ изъ рамокъ формально-обязательнаго закона и вводитъ насъ въ область духовной свободы, въ ту область, которая съ возникновеніемъ христіанства приняла размѣры столь обширные, въ область побѣдоноснаго подвижничества, расширившаго до крайнихъ предѣловъ владычество духа надъ плотію.

Обѣты назорейства, какъ видно изъ книги Чиселъ и подтверждается книгою Судей, допускались двоякіе: пожизненные и временные; въ обоихъ случаяхъ первымъ условіемъ ставилась абсолютная трезвость.

Полагаю нелишнимъ напомнить вамъ объ этой почтенной родословной нашихъ современныхъ обществъ трезвости. Она доказываетъ намъ, какъ рано люди, ревнующіе о свободѣ духовной, нашли нужнымъ оградить ее именно отъ разслабляющаго дѣйствія спиртныхъ напитковъ; какъ рано это спасительное самоограниченіе освящено благословеніемъ Церкви. И замѣтьте, въ какіе знаменательные моменты церковной исторіи являются великіе назореи, о коихъ повѣствуетъ Писаніе... Пророкъ Самуилъ! Іоаннъ Креститель!

О, какъ нужно и въ наши дни пробужденіе этого духа назорейства! Какъ радостны первые признаки этого пробужденія!

Но радость преждевременна, пока движенiе это не коснется васъ, и не только коснется, но и найдетъ между вами убѣжденныхъ носителей. О томъ, чтобы это совершилось, ежедневно молю Бога. Для того, чтобы это ускорилось, пишу вамъ эти строки.

XXII.

25 Декабря.

Любезный N.

Вчера посѣтилъ меня священникъ сосѣдняго прихода. Приходъ этотъ принадлежитъ къ другой епархiи, очень обширенъ и граничитъ съ нашимъ. Многiе крестьяне этого прихода, привлеченные пѣнiемъ моихъ учениковъ, посѣщаютъ нашу церковь, что повлекло за собою и присоединенiе многихъ изъ нихъ (болѣе сотни) къ Татевскому обществу трезвости.

Батюшка ихъ до сихъ поръ къ этому дѣлу относился недружелюбно, ибо самъ любитъ выпить. Но новѣйшiе циркуляры духовнаго начальства, предписывающiе священникамъ радѣть о трезвости, заставили его перемѣнить фронтъ. Онъ принялся проповѣдывать противъ пьянства и предлагать своимъ прихожанамъ открытiе самостоятельнаго общества трезвости. Я серьезно предупреждалъ его объ опасности такого предпрiятiя при продолженiи его собственнаго образа жизни. Онъ мнѣ не внималъ, и предсказанiя мои сбылись.

Трезвые его прихожане естественнымъ образомъ не пожелали стать подъ руководство человѣка пьющаго; пьяные стали его-же попрекать его пьянствомъ, и это даже въ церкви, при бесѣдахъ его о трезвости. Прижатый къ стѣнѣ, батюшка, наконецъ, изъявилъ намѣренiе самъ дать обѣтъ абсолютнаго воздержанiя и для этого назначилъ будущее Воскресенье, приглашая всѣхъ желающихъ послѣдовать его примѣру.

Отъ души желаю, чтобы этотъ вынужденный обѣтъ былъ исполненъ и вызвалъ много другихъ обѣтовъ, вполнѣ добровольныхъ.

Но нормаленъ-ли, приличенъ-ли тотъ порядокъ вещей, при коемъ священника приводитъ къ трезвости примѣръ его безграмотныхъ прихожанъ, а не происходитъ явленiе обратное?

Предоставляю это на вашъ судъ, ибо на васъ лежитъ отвѣтственность за многихъ будущихъ пастырей. Помните это, готовьтесь къ предстоящему вамъ великому дѣлу: нѣтъ въ немъ сторонъ безразличныхъ и мелкихъ. Та частность, на которую позволяю себѣ столь настойчиво указывать вамъ, по обстоятельствамъ времени, прiобрѣтаетъ значенiе громадное, роковое. Итакъ, поразмыслите о ней.

XXIII.

26 Декабря.

Любезный N.

Вамъ, вѣроятно, кажется страннымъ и смѣшнымъ тотъ необычайный способъ, коимъ я вступаю съ вами въ сношенія. Да, онъ смѣшонъ и страненъ, но обстоятельство это нисколько меня не смущаетъ. Дѣло въ томъ, что многое не дается и не удается намъ именно потому, что мы боимся казаться смѣшными и странными. Побѣда надъ этою боязнью уже сама по себѣ есть великая побѣда, ибо удесятеряетъ наши средства дѣятельности, охраняетъ въ насъ ту смѣлость, которая города беретъ.

Значитъ-ли это, что я жду отъ своего причудливаго предпріятія какого-либо непосредственнаго, практическаго результата?

Нисколько. По всей вѣроятности успѣха не будетъ никакого. Но кромѣ боязни смѣшного, есть другая боязнь, гибельная для всякаго практическаго дѣла. Это боязнь труда, не обѣщающаго вѣрныхъ результатовъ, боязнь предпріятій, коихъ успѣхъ неправдоподобенъ.

Все хорошее трудно, все прекрасное неправдоподобно. На это нужно покориться, и всетаки и словомъ и дѣломъ, неусыпно и неустанно, работать надъ тѣмъ, что неправдоподобно и трудно, ибо изъ-за вещей правдоподобныхъ и легкихъ не стоитъ и жить на свѣтѣ.

О своемъ краснорѣчіи, о достоинствѣ моихъ писаній, я—мнѣнія весьма невысокаго. Но постоянно помню, что не нами, а чрезъ насъ, творится все доброе, совершающееся на землѣ. Помните это и вы. Соображенія, высказанныя мною по поводу борьбы съ пьянствомъ, имѣютъ смыслъ несравненно болѣе широкій. Вся ваша жизнь будетъ посвящена исполненію задачъ, на землѣ неисполнимыхъ. Только преслѣдованіе этихъ задачъ всѣмъ существомъ своимъ, всею силою воли и мысли, сдѣлаетъ васъ тѣмъ, чѣмъ вы должны быть, солью земли, носителемъ добра, охранителемъ возможнаго на землѣ общенія съ жизнію небесною!

Сдѣлаться таковымъ да поможетъ вамъ Богъ!

XXIV.

26 Декабря.

Любезный N.

Одна изъ причинъ, наиболѣе способствующихъ въ настоящее время развитію нравственнаго зла есть суевѣріе въ прогрессъ.

Суевѣріемъ этимъ проникнуто большинство современнаго человѣчества. Реакція противъ этого суевѣрія, выразившаяся въ пессимизмѣ Шопенгауеровской школы, охватила относительно незначительное меньшинство.

Обѣ крайности въ нравственномъ отношеніи одинаково вредны. Первая заставляетъ насъ покладать руки, въ надеждѣ, что міровой процессъ безъ всякаго нашего участія подыметъ насъ своею волною все выше и выше. Вторая въ этомъ процессѣ видитъ лишь стремленіе къ упраздненію бытія, которое и есть зло, отъ коего можно спастись лишь упраздненіемъ воли, этого необходимаго органа всякой нравственности.

Дѣло въ томъ, что земная жизнь не красна, несмотря на всѣ баснословныя улучшенія, внесенныя во внѣшнія ея условія геніемъ XIX вѣка; даже во многихъ сферахъ своихъ становится несносною и грозитъ сдѣлаться сплошь невыносимою, если мы будемъ продолжать мечтать о томъ, что она посвѣтлѣетъ и очистится сама собою.

Утопіи о земномъ блаженствѣ чужды христіанскому міровоззрѣнію. Но обязанность всякаго христіанина—сдѣлать земную жизнь сносною для себя и для ближнихъ, сносною настолько, чтобы дать людямъ возможность не забывать о небесной.

Достиженіе этой скромной цѣли требуетъ усилій громадныхъ, непрестанныхъ, и это, убаюканные мечтаніями о прогрессѣ, мы забыли. Для достиженія этой цѣли лилась кровь мучениковъ, подымались труды подвижниковъ, изводилась жизнь всѣхъ свѣточей человѣчества. И эти труды, эти подвиги, эти

жертвы, должны повторяться постоянно, сознательно и радостно, чтобы земля не обратилась въ адъ.

Но силы на эти подвиги пріобрѣтаются не вдругъ. Нужно учиться «терпѣнію, великодушію и кротости». Нужно учиться любить. И, чтобы научиться любить, не нужно упускать ни одного дѣла любви къ ближнему, которое намъ сподручно и доступно. Такое дѣло любви предлагаю вамъ—дѣло самое простое и легкое, и никогда не перестану предлагать его всѣмъ юношамъ, въ особенности будущимъ пастырямъ. Ибо нравственное добро, проистекающее изъ этого скромнаго подвига (слово это даже слишкомъ громко) у меня на глазахъ, въ тысячахъ примѣровъ. Въ правѣ-ли я молчать? Въ правѣ-ли я жаловаться, если слова мои, въ 999 случаяхъ изъ тысячи, останутся гласомъ вопіющаго въ пустынѣ? До сихъ поръ могу только благодарить Бога. Если въ Казанской Академіи слово мое не встрѣтитъ ни единаго отголоска, буду скорбѣть—и продолжать.

Если буду живъ, еще услышите обо мнѣ. Пока, да хранитъ васъ Богъ.

XXV.

Любезный N. *20 Декабря.*

Что у кого болитъ, тотъ о томъ и говоритъ. Уже шестнадцатый годъ живу я окруженный крестьянскими дѣтьми и отъ нихъ научился многому.

Вспоминается мнѣ мальчикъ изъ бѣдной, пьяной семьи. У него была шубейка, плохо прикрывавшая грудь, и я, отпуская его на святки, подарилъ ему теплый шарфъ. Святками, шарфъ этотъ былъ пропитъ. Мальчикъ вернулся въ Крещеніе, въ лютый морозъ, и немедленно слегъ отъ жестокаго воспаленія въ легкихъ. Онъ не терялъ сознанія, самъ потребовалъ пріобщенія, радостно пріобщился, радостно говорилъ о своихъ похоронахъ. Смерть его не страшила. Боялся онъ только возвращенія въ домашній адъ...

Подумайте о милліонахъ дѣтей, томящихся въ такомъ же аду. Пожалѣйте, помогите!

XXVI.

26 Декабря.

Любезный N.

Вотъ пишу вамъ о трезвости. Но можетъ быть вы хмѣльнаго и въ ротъ не берете, и, въ такомъ случаѣ, найдете мое предложеніе дать торжественный обѣтъ безусловнаго воздержанія смѣшнымъ и излишнимъ.

По этому поводу разскажу Вамъ слѣдующее. Два года тому назадъ я присутствовалъ при открытіи общества трезвости. Собралось болѣе полутораста желающихъ дать обѣтъ, въ томъ числѣ около пятидесяти женщинъ. Но въ рѣшительную минуту ни

одна изъ женщинъ не подошла къ иконѣ, предъ которою начинался молебенъ. Онѣ перешептывались, толкали другъ друга, но стояли на мѣстѣ. Тутъ нашлась одна высокообразованная женщина, почтенныхъ лѣтъ, конечно, не пьющая, и поэтому до этой минуты не думавшая присоединиться къ обществу. Она подошла къ иконѣ и стала на колѣни... Тотчасъ ея примѣру послѣдовали всѣ бабы.

На слѣдующій годъ къ обществу присоединилась поголовно цѣлая многолюдная деревня, изъ которой были многія изъ этихъ женщинъ.

Примѣръ людей трезвыхъ, ограждающихъ себя молитвеннымъ обѣтомъ отъ *возможности* пьянства, часто дѣйствительнѣе, чѣмъ примѣръ пьяницъ, избавляющихъ себя такимъ обѣтомъ отъ очевиднаго зла.

Вотъ почему пишу сплошь каждому изъ васъ въ увѣренности, что и вы лично — сотрудникъ для меня драгоцѣнный и желанный.

XXVII.

26 Декабря.

Любезный N.

«Невинно вино, укоризненно-же піянство.»

Вамъ извѣстно, что словъ этихъ въ Притчахъ Соломоновыхъ — нѣтъ, что первые стихи главы 20-й гласятъ какъ разъ противоположное, что чудовищное это извращеніе подлиннаго текста давно исправлено Св. Синодомъ въ текстѣ русскомъ.

Между тѣмъ девять десятыхъ безчисленныхъ проповѣдей противъ пiянства, составляемыхъ нашими заурядными духовными витiями, построены именно на этомъ несуществующемъ текстѣ.

Можно-ли допустить, чтобы всѣ проповѣдники, приводящiе его, *не знали,* что текстъ этотъ искаженъ? Вѣдь, искаженiе бросается въ глаза. Вѣдь такое поголовное невѣжество выходило-бы уже изъ всѣхъ границъ правдоподобiя.

Вотъ поучительный примѣръ той роковой связи, которая существуетъ между пьянствомъ и *ложью,* этимъ вопiющимъ грѣхомъ нашего духовнаго мiра.

Въ этомъ случаѣ, ложь становится буквально—хулою на Духа Святаго.

Вы еще молоды, и ложь, конечно, въ душу вашу еще не закралась. Берегитесь вина, «въ немже есть блудъ»—ибо оно ведетъ ко всякому прелюбодѣйству, въ томъ числѣ и къ «прелюбодѣйству мысли;» ибо неминуемо создаетъ разладъ между сознанiемъ и волею, между словомъ и дѣломъ.... Вино *глумливо,* а не невинно. Да сохранитъ-же васъ Богъ отъ него: для этого нужна только собственная ваша воля, собственная ваша молитва.

XXVIII.

30 Декабря.

Любезный N.

Присоединенiя къ Татевскому обществу трезвости, возобновленiя прежнихъ обѣтовъ происходятъ каждое Воскресенье, каждый праздникъ. Между утренею и обѣднею ко мнѣ заходятъ крестьяне, имѣющiе до меня дѣло, и изъ нихъ всегда есть нѣсколько, часто прiѣхавшихъ издалека, которые заявляютъ желанiе присоединиться къ нашему обществу. Не такъ было въ началѣ. Приходилось говорить много, медленно убѣждать, спорить и умолять. Это было мнѣ трудно, ибо я лишенъ всякаго краснорѣчiя. Теперь, по большей части, мнѣ приходится молчать. Лучше несравненно, чѣмъ могъ-бы говорить я, говорятъ эти безграмотные крестьяне, въ особенности возобновляющiе свои обѣты, испытавшiе всѣ ужасы пьянства, и затѣмъ радость избавленiя отъ постыднаго рабства.

Вотъ разсказъ одного изъ нихъ: «Шелъ я домой изъ города, съ 40 заработанными рублями. Шелъ я съ радостiю, ибо зналъ, что дома горькая нужда, что отецъ долѣе работать не въ силахъ, что меня ждутъ, не дождутся. Но дорогой попуталъ меня нечистый. Я запилъ, и на третiй день у меня вытащили изъ-за пазухи всѣ оставшiяся у меня деньги,—не знаю, сколько. И вотъ, лежу я, совершенно пьяный, въ кабакѣ, подъ лавкою. И представилось

мнѣ, что домой безъ денегъ вернуться — нельзя, что и жить мнѣ на свѣтѣ больше не слѣдуетъ. Вспомнилъ я, что на стѣнѣ виситъ ружье, всталъ, ощупью снялъ его, приставилъ къ груди и спустилъ курокъ. Ружье выстрѣлило, но прострѣлило только мою одежду. И вдругъ, весь хмѣль съ меня спалъ, и мнѣ представился столь ясно и грѣхъ пьянства, и страшный грѣхъ, отъ котораго спасъ меня Господь, что я тутъ же рѣшился никогда болѣе не пить ни капли вина. Шесть лѣтъ я уже не пью. И вотъ, услышалъ я о вашемъ трезвомъ обществѣ и подумалъ, что дѣло мое непрочно, пока оно не закрѣплено цѣлованіемъ иконы и креста, и пришелъ къ вамъ.»

Передаю вамъ смыслъ разсказа, а не складъ рѣчи, во сто разъ болѣе живой и сильный, чѣмъ моя бѣдная проза.

Упоминаю обо всемъ этомъ потому, что безпрестанно слышу, и именно отъ священниковъ, въ отвѣтъ на мои приглашенія помочь мнѣ, отвѣтъ, что предлагаемое мною дѣло слишкомъ трудно, даже невозможно.

Конечно, оно болѣе чѣмъ трудно. Оно неисполнимо — человѣческими силами. Но не ими оно и совершается, а помощію Божіею; помощь же эта дается лишь тѣмъ, которые напрягаютъ *всѣ свои* силы. Вотъ между прочимъ, почему пишу и вамъ. Не я васъ убѣжду, а наставитъ васъ Богъ.

XXIX.

30 Декабря.

Любезный N.

Заблужденіе тѣхъ, которые считаютъ привычку къ вину (употребляемому умѣренно) — привычкою невинною, главнымъ образомъ проистекаетъ отъ того, что они привычку эту считаютъ привычкою физическою.

Она еще въ большей мѣрѣ есть привычка моральная, привычка къ пріятному возбужденію ума при усыпленіи совѣсти — собесѣдника докучнаго, ибо онъ правдивъ.

Въ тѣснѣйшей связи съ привычкою къ вину находится множество другихъ привычекъ, яко бы невинныхъ — привычка къ карточной игрѣ, къ легкому чтенію, къ зрѣлищамъ, лишеннымъ всякой художественности, къ пустымъ разговорамъ и т. п.

Прошу васъ поразмыслить, сколько всѣ эти привычки поглощаютъ, не говорю уже времени, но сколько умственныхъ и нравственныхъ силъ. Прошу васъ провѣрить наблюденіемъ, сколь неизбѣжно винопитіе развиваетъ въ людяхъ всѣ эти постыдныя, вредныя, одуряющія привычки. Прошу васъ сообразить, какую громадную трату умственнаго и нравственнаго капитала обусловливаютъ всѣ эти *невинныя* привычки.

Теряется интересъ и способность ко всякому серьезному чтенію, ко всякому художественному творчеству, ко всякому трезвому дѣлу. Умъ отказывается переварить какую-либо истину безъ пряной приправы. Наконецъ, приправа эта становится критеріемъ истины. Дѣло замѣняется краснымъ словцомъ. Человѣкъ становится старымъ ребенкомъ, не могущимъ жить безъ забавы.

Корень этого разслабленія въ девяти случаяхъ изъ десяти есть вино. Повторяю: всмотритесь сами въ то, что васъ окружаетъ, и вы убѣдитесь въ истинѣ моихъ словъ.

Этою повальною болѣзнію заражено и духовенство, даже юношество, готовящееся вступить въ его ряды. Но въ немъ, въ этомъ юношествѣ и должна возникнуть реакція противъ этого позорнаго зла. Вотъ почему заговорилъ я съ вами объ этихъ вещахъ. Твердо вѣрю, что вы взглянете на нихъ прямо и трезво и согласитесь со мною.

XXX.

Любезный N. *30 Декабря.*

На дняхъ, около самаго нашего волостнаго правленія (устроеннаго, какъ всѣ наши подобныя присутственныя мѣста, при кабакѣ) совершилось убійство. Крестьянинъ, имѣвшій злобу на своего сосѣда, подпоилъ въ кабакѣ молодого забулдыгу съ тѣмъ, чтобы онъ приколотилъ его недруга. Порученіе это было исполнено слишкомъ усердно. Пьяный негодяй не могъ соразмѣрить силу своихъ ударовъ и убилъ свою жертву на мѣстѣ. Дѣло произошло позднимъ вечеромъ, безъ свидѣтелей. На другой день убійца, въ припадкѣ раскаянія, пытался застрѣлиться: это и повело къ открытію его виновности.

Убійства этого типа повторяются безпрестанно — убійства безсмысленныя, звѣрскія, вызванныя одною водкою.

Тщетно умоляю я священниковъ — въ Воскресенья, слѣдующія за такими ужасными событіями, сказать хоть слово въ церкви по ихъ поводу. Они предпочитаютъ говорить ни къ селу, ни къ городу проповѣди о невинности вина.

Одинъ священникъ, коего я видѣлъ въ день подобнаго преступленія, обѣщалъ мнѣ въ слѣдующее Воскресенье сказать слово по его поводу. Встрѣчаю его въ Понедѣльникъ. — Сказали проповѣдь? — Нѣтъ. Я думалъ, что вы пріѣдете ее слушать. Вижу — васъ нѣтъ. Не стоило и говорить.

Многимъ мудренымъ наукамъ учатъ въ нашихъ Семинаріяхъ. Но азбука пастырскихъ обязанностей остается для ихъ воспитанниковъ — книгою о семи печатяхъ. Вы — будущій наставникъ будущихъ пастырей — помогите!

XXXI.

Любезный N. *30 Декабря.*

Многіе сельскіе батюшки пресерьезно утверждають, что дѣятельность моя преступна, потому де, что она подрываетъ главный источникъ государственныхъ доходовъ и грозитъ Россіи раззореніемъ.

Сія финансовая мудрость заимствуется нашими пастырями отъ низшихъ чиновъ акциза, естественнымъ образомъ дорожащихъ кабаками, коими они кормятся.

Никто изъ нихъ не хочетъ допустить, что скромная дѣятельность наша, если бы ей суждено было разростись, могла бы принести финансовому вѣдомству только пользу. У насъ распространеніе трезвости можетъ только *увеличить* акцизный сборъ. Главная польза обществъ трезвости состоитъ не въ размноженіи людей абсолютно трезвыхъ, которые пока могутъ составить въ массѣ населенія лишь незначительное меньшинство. Но нравственный авторитетъ этого меньшинства столь великъ, что заставляетъ большинство людей пьющихъ избѣгать безобразнаго пьянства и замѣнять употребленіемъ вина болѣе правильнымъ, при коемъ, въ общемъ итогѣ,—его употребляется *больше.*

Тотъ стадій, до коего дошли многіе штаты Сѣверной Америки,—абсолютное изъятіе изъ продажи

спиртныхъ напитковъ, возможенъ только при такомъ подъемѣ общаго благосостоянія вслѣдствіе уменьшенія пьянства, при коемъ кабакъ, какъ источникъ государственнаго дохода, становится совершенно излишнимъ.

Возраженіе, коего я коснулся, есть завѣдомая ложь. Упоминаю о немъ потому, что нѣтъ лжи, часто повторяемой, которая людямъ немыслящимъ не представлялась бы истиною. Всякая ложь, конечно, по существу своему безсильна и въ концѣ концовъ сама себя обличаетъ. Но тѣмъ желательнѣе, чтобы ложь не распространялась лицами духовными; тѣмъ прискорбнѣе, что они не пренебрегаютъ этимъ гнилымъ оружіемъ.....

Вамъ придется наставлять будущихъ пастырей. Прежде всего отучайте ихъ отъ лжи. Порокъ этотъ въ глашатаяхъ истины чудовищенъ, ибо подрываетъ въ корнѣ всякую возможность распространенія черезъ нихъ этой истины.....

Вѣрю и знаю, что и въ этомъ вы поможете.

XXXII.

Любезный N. *30 Декабря.*

Пишу Вамъ ночью. Учу и живу въ школѣ съ общежитіемъ, и весь мой день принадлежитъ ребятамъ. Однообразіе этой жизни прерывается только воскресной службой. Къ службѣ этой готовимся всю

недѣлю. Работаемъ надъ ребятами, между коими распредѣлены чтенія предстоящаго Воскресенья, надъ ихъ пѣніемъ. И служба выходитъ хорошая. Старый нашъ батюшка служитъ превосходно. Ребята поютъ вѣрно и читаютъ отчетливо. Несравненная красота служебнаго чина ничѣмъ не нарушается. Церковь всегда полна молящимися. Такъ течетъ моя жизнь уже шестнадцатый годъ, зимою и лѣтомъ,—ибо лѣтомъ со мною живутъ другіе ученики, болѣе взрослые.

И только? Нѣтъ. Жизнь эта была бы несносна, если бы не имѣла иныхъ результатовъ, кромѣ внѣшняго благолѣпія службы, ибо она была бы ложью. Есть и плоды нравственные. Самый видный изъ нихъ, конечно, возникновеніе при церкви общества трезвости, считающаго нынѣ 1018 членовъ. Каждое Воскресенье происходитъ нѣсколько присоединеній вполнѣ обдуманныхъ и искреннихъ. Развѣ недѣльный трудъ, какъ бы онъ ни былъ напряженъ, не оправдывается, не вознаграждается сторицею годомъ трезвости хотя бы одного человѣка изъ тѣхъ, для коихъ винопитіе есть синонимъ пьянства?

И замѣтьте, что это достигается безъ всякой проповѣди, безъ всякаго зазыванія, одною притягательною силою церкви, въ коей служатъ Богу съ благоговѣніемъ, школы, въ коей искренно служатъ ближнему. И это естественно. Достойны ли мы говорить и пѣть тѣ святыя слова, изъ коихъ составляется величавое зданіе нашего богослужебнаго круга, если мы не стараемся внести въ жизнь хоть малую долю той красоты, которую эти службы раскрываютъ предъ нами? Не кощунство ли читать въ церкви псалмы и слушать Евангеліе, а затѣмъ возвращаться къ вѣчной заботѣ о самомъ себѣ?

Вопіющее противорѣчіе между красотою формъ и скудостію содержанія нашей церковной жизни нужно изгладить во что бы то ни стало. Вотъ, въ чемъ состоитъ призваніе ваше и всякаго питомца Духовныхъ Академій. Ибо народъ, находящійся на порогѣ просвѣщенія, однѣми формами довольствоваться не можетъ, какъ бы ни были онѣ совершенны. Нужно содержаніе достойное этихъ формъ, нужно живое дѣло. Иначе намъ грозитъ такой расколъ, предъ коимъ ничто доживающій свой вѣкъ расколъ старообрядства. Отъ васъ зависитъ предотвратить это бѣдствіе. Помогите!

XXXIII.

30 Декабря.

Любезный N.

Какъ вамъ извѣстно, вниманіе Европы въ настоящее время все болѣе сосредоточивается на Африкѣ. Громадный материкъ, еще недавно менѣе намъ извѣстный, чѣмъ поверхность луны, утратилъ свою таинственность, благодаря самоотверженнымъ трудамъ

цѣлаго ряда доблестныхъ изслѣдователей. Бѣлое поле, еще на нашей памяти занимавшее на картахъ все пространство его, кромѣ незначительной прибрежной полосы, покрылось богатою сѣтью рѣкъ, озеръ, горныхъ хребтовъ. Европейскимъ рынкамъ открывается новый источникъ продуктовъ тропическаго міра, новое поле для сбыта мануфактурныхъ издѣлій; христіанскимъ миссіонерамъ—новый языческій міръ, призывающій ихъ на новые подвиги.

Европейскія канцеляріи уже дѣлятъ между собой добычу, предстоящую великимъ народамъ запада. Проводятся границы предполагаемыхъ владѣній, несуществующихъ колоній.

А между тѣмъ, оказывается, что дѣло, къ коему готовится христіанская Европа, уже на половину совершено мусульманскою Азіею. Грубый фетишизмъ во всей центральной Африкѣ быстро замѣняется исламизмомъ. Арабскія династіи вытѣсняютъ туземныхъ царьковъ. Движеніе это столь сильно, что передъ его результатами совершенно исчезаютъ успѣхи, одержанные европейскимъ оружіемъ, европейскими миссіями. Жители центральной Африки питаютъ къ Европейцамъ глубокое отвращеніе. У нихъ на глазахъ—вымираніе цѣлыхъ прибрежныхъ племенъ, при первомъ соприкосновеніи съ европейскою цивилизаціею. Ибо первый даръ этой цивилизаціи—водка, тотъ товаръ, который среди ди-

карей имѣетъ сбытъ громадный и вѣрный, тотъ товаръ, который уничтожилъ коренное населеніе Америки, скоро уничтожитъ коренное населеніе Австраліи. Глупые негры предпочитаютъ—жить, хотя бы подъ владычествомъ неучей, не имѣющихъ понятія о фонографѣ и электрическомъ свѣтѣ, предпочитаютъ вѣру, ограждающую ихъ отъ поголовнаго отравленія—вѣрѣ, имъ еще непонятной, но носители коей приносятъ съ собою смерть... У насъ пока нѣтъ интересовъ въ Африкѣ. Но у насъ есть своя Африка—Средняя Азія, уже окончательно завоеванная исламомъ, и которую мы обязаны у него отвоевать. Думаете-ли вы, что эта побѣда достанется намъ даромъ? Думаете-ли вы, чтобы мы были въ правѣ упустить какое-либо средство, могущее его ускорить? Вѣдь наши азіаты также очень глупы: предпочитаютъ жизнь смерти, трезвыхъ пастырей душъ наставникамъ невмѣняемымъ, дѣло слову, нравственный порядокъ разврату...

Подумайте объ этомъ!

XXXIV.

31 Декабря.

Любезный N.

Wer nicht liebt Weib, Wein und Gesang,
Der bleibt ein Narr sein Lebenslang.

Замѣчательно, сколь многіе изъ юношей, воспитывающихся въ православныхъ духовно-учебныхъ

заведеніяхъ въ душѣ согласны съ этимъ знаменитымъ изреченіемъ Лютера.

Не мнѣ напоминать вамъ о томъ сонмѣ русскихъ святителей и аскетовъ, которые не любили ни вина, ни женщинъ, и — не были дураками. Коснусь только пѣнія, относительно коего и я съ Лютеромъ совершенно согласенъ.

Любите-ли вы церковное пѣніе? Думали-ли вы когда-либо о той цѣнѣ, коею у насъ покупается его красота? Обращали-ли вы вниманіе на ужасное внутреннее состояніе нашихъ пѣвческихъ хоровъ, архіерейскихъ и иныхъ? Поистинѣ, огромное большинство нашихъ церковныхъ пѣвцовъ обречено на участь столь-же печальную, какъ участь кастратовъ папской капеллы.

Для несчастныхъ дѣтей и юношей, составляющихъ наши пѣвческіе хоры, время, которое должно было-бы быть временемъ серьезнаго ученія, по меньшей мѣрѣ, тому пѣнію, коимъ они постоянно заняты, — есть время ранняго разгула и разврата. Громадный процентъ ихъ спивается, еще бо́льшій гибнетъ. Ибо они, вслѣдствіе безпорядочной жизни, не выносятъ изъ своей пѣвческой практики ни малѣйшаго знанія — даже того элементарнаго знанія пѣвческаго дѣла, которое нужно заурядному регенту.

У меня есть прекрасный другъ, вѣроятно извѣстный и вамъ, хотя-бы по наслышкѣ. Это С. В.

Смоленскій, бывшій преподаватель пѣнія при Казанской Учительской семинаріи. Нынѣ онъ завѣдуетъ Московскимъ Синодальнымъ хоромъ и устроенною при немъ школою регентовъ. Засталъ онъ хоръ въ томъ ужасно-распущенномъ видѣ, въ коемъ находятся всѣ почти пѣвческіе хоры. Голоса дивные, музыкальныя способности богатѣйшія, но — изъ 28 взрослыхъ пѣвцовъ (басовъ и теноровъ) — только двое знали ноты!

И вотъ, подъ опытною рукою высокодаровитаго музыканта и истиннаго педагога, хоръ, въ теченіе года, сталъ неузнаваемъ. Безобразное пьянство старшихъ пѣвцовъ совершенно прекратилось; младшіе совершенно ограждены отъ возможности впасть въ него. Результаты этого нравственнаго подъема разительны, блистательны. Не только исполненіе хоромъ церковныхъ пѣснопѣній поднялось до высоты небывалой: по сужденію знатоковъ, синодальный хоръ въ этомъ отношеніи превзошелъ Императорскую капеллу; онъ поетъ съ листа самыя трудныя вещи, онъ исполняетъ съ высокимъ совершенствомъ лучшія творенія церковной музыки западной. Еще важнѣе, еще отраднѣе то обстоятельство, что даровитые юноши, бросивши убійственный для нихъ разгулъ, съ жаромъ принялись за изученіе теоріи своего искусства, за упражненія въ игрѣ на разныхъ инструментахъ. Изъ нихъ уже составился дѣльный оркестръ.

Синодальный хоръ становится тѣмъ, чѣмъ онъ долженъ быть, чѣмъ онъ былъ во времена патріаршества: не только дивнымъ орудіемъ исполненія церковныхъ пѣснопѣній, но также разсадникомъ перво-классныхъ регентовъ, въ коемъ такъ нуждается наша церковная практика.

И вы, со временемъ, въ качествѣ наставника, священника, епископа, будете имѣть дѣло съ пѣвческими хорами. Помните и знайте, что для пользы и славы церкви, для исполненія долга самаго элементарнаго человѣколюбія, церковные пѣвцы должны быть ограждены отъ разгула и разврата, губящаго и ихъ, и несравненную красоту нашей церковной службы.....

Да хранитъ васъ Богъ!

XXXV.

31 Декабря.

Любезный N.

Вы скажете: «хорошо человѣку старому, отжившему, проповѣдывать отреченіе отъ того, что его болѣе не привлекаетъ. Но молодость имѣетъ свои права. Ей нужны радость и веселье. Нужно, чтобы человѣку было, чѣмъ ее помянуть. Недаромъ поэты всѣхъ вѣковъ и народовъ воспѣваютъ вино и любовь, любовь и вино».

Да, я боленъ и старъ, и избавленъ отъ тѣхъ искушеній, которыя васъ окружаютъ. Но я живо

помню мою молодость, и уже пятнадцать лѣтъ не живу личною жизнію, а живу горемъ и радостями окружающихъ меня дѣтей и юношей, и это горе мнѣ ближе, эти радости мнѣ дороже всѣхъ моихъ личныхъ радостей и печалей.

Да, всѣ поэты воспѣвали вино. Но всѣ истинные поэты воспѣвали и кое-что другое.

Раскройте Пушкина.

Безумныхъ лѣтъ угасшее веселье
Мнѣ тяжело, какъ смутное похмѣлье.
Но какъ вино, печаль минувшихъ дней
Въ моей душѣ, чѣмъ старѣ, тѣмъ сильнѣй.

Я вижу въ праздности, въ неистовыхъ пирахъ,
Въ безумствѣ гибельной свободы,
Въ неволѣ, въ бѣдности, въ чужихъ степяхъ
Мои утраченные годы.
Я слышу вновь друзей предательскій привѣтъ,
На играхъ Вакха и Киприды,
И сердцу вновь наноситъ хладный свѣтъ
Неотразимыя обиды.....

Воспоминаніемъ смущенный
Исполненъ сладкою тоской,
Сады прекрасные, подъ сумракъ вашъ священный
Вхожу съ поникшею главой.
Такъ отрокъ Библіи—безумный расточитель,
До капли истощивъ раскаянья фіалъ,
Увидѣвъ наконецъ родимую обитель,
Главой поникъ и зарыдалъ!....

Какіе звуки! Скажите по совѣсти: гдѣ истинный Пушкинъ — въ легкихъ-ли юношескихъ стихотвореніяхъ, не признанныхъ авторомъ и напрасно загромождающихъ общедоступныя изданія его сочиненій, или въ этихъ мощныхъ и скорбныхъ аккордахъ его отрезвленной, высоко настроенной лиры?

Да, юность прекрасна, столь прекрасна, что бросаетъ свой поэтическій отблескъ даже на смутныя забавы юныхъ лѣтъ. Но не надолго. Быстро блекнетъ отъ этихъ забавъ ея сила и прелесть. Меркнетъ ясность мысли, никнетъ бодрость воли, гаснетъ чистый и ровный пламень, озаряющій года неиспорченной юности.

Чтобы воскресить ея радостную бодрость, становится нужнымъ искусственное возбужденіе пировъ, лишь на мгновенія вызывающее призракъ прежняго духовнаго строя. Скоро исчезаетъ и этотъ призракъ. Жизнь застилается сплошною мглою, отравляется непобѣдимою тоскою, которую вино въ силахъ лишь временно заглушить, но не можетъ уже замѣнить настроеніемъ болѣе свѣтлымъ.... Пишу вамъ все это, потому что по силѣ вещей имѣю постоянно дѣло и съ юношами, подпавшими власти виннаго демона, и съ юношами, оградившими себя отъ него добрымъ усиліемъ воли: сравненіе ихъ слишкомъ поучительно, контрастъ между ними слишкомъ разителенъ. Пишу холодно и слабо, ибо лично не испыталъ терзаніі

пьянства, а только пользуюсь благодатью трезвости, позволяющей мнѣ, при мучительныхъ недугахъ, продолжать мою работу (это не мое предположеніе, а мнѣніе первоклассныхъ врачей). Такъ-ли говорятъ пьяницы, бросившіе вино, возродившіеся послѣ временной смерти!

Пишу потому, что это мой долгъ. Вразумить васъ могу не я. Вразумить можетъ васъ Богъ. Болѣе, чѣмъ на мои писанія, надѣюсь на молитву, и не на мою грѣшную молитву, а на молитву окружающихъ меня дѣтей и отроковъ.....

Да вразумитъ-же васъ Богъ!

XXXVI.

Татево, 31 Декабря 1890 г.

Любезный N.

На вашу долю достается послѣднее изъ моихъ писемъ. Не стану пытаться резюмировать въ немъ всѣ предыдущія. Не имѣю даже времени ихъ перечитать. Письма эти написаны урывками, среди непрестанныхъ школьныхъ трудовъ, среди неумолкающаго шума сельской школы съ общежитіемъ.

Очевидно, въ нихъ окажется много лишняго, много недосказаннаго. Но не стану ихъ перерабатывать. Эти письма — не книга, не литературное упражненіе, но только — письма, написанныя къ далекимъ, но дорогимъ друзьямъ. Не удивляйтесь, что

я называю васъ этимъ именемъ. Долгая жизнь, нравственно непраздная, научаетъ любить, приближаетъ насъ къ усвоенію сердцемъ азбуки христіанскаго ученія.... Вы это испытаете со временемъ.

Что писанія мои будутъ приняты вами въ томъ же духѣ, въ коемъ вылились они изъ моей души, въ томъ не питаю ни малѣйшаго сомнѣнія. Сердце сердцу вѣсть подаетъ.

Вреда эти писанія никому изъ васъ не принесутъ. Буду счастливъ, если хоть одному изъ васъ они принесутъ пользу.

Да хранитъ же Богъ васъ всѣхъ, и въ особенности васъ, о коемъ въ настоящую минуту думаю и молюсь.

Нужды нѣтъ, что, въ частности, мнѣ извѣстно только ваше имя. Знаю, кромѣ того, о васъ нѣчто несравненно болѣе важное. Вы наканунѣ вступленія въ ряды воинствующей церкви. Этого достаточно, чтобы сдѣлать васъ предметомъ моей любви и заботъ, которыя иного выраженія найти не могли, какъ это необычное, странное, но въ сущности вполнѣ естественное обращеніе къ каждому изъ васъ въ отдѣльности.

Не думаете-ли вы, что въ томъ именно и состоитъ различіе православнаго церковнаго духа отъ католическаго и протестантскаго, что мы неспособны, подобно католикамъ, въ дѣлѣ нашего спасенія, возлагать всѣ наши надежды на благодать и авторитетъ священства; не можемъ, подобно протестантамъ, обходиться безъ этой благодати, безъ этого авторитета, но алчемъ и жаждемъ пастырства добраго, пастырства истиннаго; не можемъ найти душевный покой лишь въ той полнотѣ церковной жизни, при коей пастыри дѣйствительно пасутъ свое стадо, при коей пасомые дѣйствительно знаютъ и слушаютъ голосъ своихъ пастырей?

Надъ созданіемъ этой полноты обязаны трудиться мы всѣ. Общее дѣло невозможно безъ духовнаго общенія. Потребность въ немъ и вызвала эти листки, которые, надѣюсь, съ нѣкоторыми изъ васъ, быть можетъ, съ вами лично, будутъ началомъ сношеній болѣе прочныхъ, общенія болѣе серьезнаго.

Итакъ, не прощаюсь съ вами. Не могу сказать вамъ: до свиданія; но говорю: до совмѣстной работы на одной Божьей нивѣ; до встрѣчи духовной въ жизненномъ дѣлѣ, еще болѣе желанной, чѣмъ личное свиданіе.

Да хранитъ-же васъ Богъ!

P. S. Извините меня, и попросите отъ меня извиненія у вашихъ товарищей. Я съ трудомъ узналъ ваши имена и фамиліи. Отечествъ же узнать мнѣ не удалось. Отсюда безцеремонность обращеній и адресовъ.

XXXVII.

18 Декабря.

Любезный N.

Съ великою радостію вношу ваше имя въ книгу трезвости Татевской церкви.

Заочныхъ членовъ въ нашемъ обществѣ множество; множество возникло самостоятельныхъ обществъ трезвости по образцу нашего. Но до сихъ поръ всего менѣе это дѣло встрѣчаетъ сочувствіе въ Духовныхъ Академіяхъ, безъ содѣйствія коихъ *оно не можетъ получить широкаго и прочнаго развитія.*

А между тѣмъ, дѣло это—дѣло *крайне нужное.* Не говорю о матеріальномъ и нравственномъ злѣ, приносимомъ Россіи чудовищнымъ усиленіемъ пьянства за послѣднія десятилѣтія. Обращу ваше вниманіе на спеціально-церковную сторону дѣла.

Церкви наши пустѣютъ. Усердный священникъ лишается возможности дѣйствовать проповѣдію церковною на свою паству,—ибо эта паства во время службъ—въ кабакѣ.

И, что еще хуже—пьянство страшно распространено въ самомъ духовенствѣ. Причетники—почти поголовно—пьяницы, и поэтому благолѣпная служба невозможна. Очень великъ также процентъ священниковъ, пьянствующихъ въ такой мѣрѣ, что службы безпрестанно опускаются, или, что еще хуже, совершаются священниками въ нетрезвомъ видѣ.

И это происходитъ въ такой *моментъ,* когда принимаютъ грозные размѣры раціоналистическія секты, поднимающія знамя *абсолютной трезвости!* Не ясно-ли, какъ день, что это знамя, *это оружіе должно быть выхвачено нами изъ рукъ врага?* Доколѣ будемъ мы терпѣть, чтобы очевидные факты подтверждали, въ глазахъ людей темныхъ, кощунственное отождествленіе православія—съ пьянствомъ!

Подумайте также о *судьбахъ вашего сословія.* Знаете-ли вы, что почти нѣтъ священнической семьи, въ коей не имѣлось-бы случаевъ душевныхъ болѣзней—этого постояннаго спутника алкоголизма въ нисходящихъ поколѣніяхъ?

Сообщите эти строки вашимъ товарищамъ. Повторяю—ихъ равнодушіе къ этому дѣлу—явленіе въ высшей степени *прискорбное,* ибо Академіи задаютъ *тонъ* Семинаріямъ, а черезъ нихъ всему духовенству. Аще-же соль обуяетъ. . . .

Да хранитъ васъ Богъ. Сообщите ваше полное имя.

От души желающій вамъ добра, **С. Рачинскій.**

Татево 15-го Марта 1898 г.

Преосвященнѣйшій Владыка!

Сердечно обрадовался, увидѣвъ Вашъ почеркъ. Еще болѣе порадовался, узнавъ изъ Вашего письма, что Васъ утѣшаютъ, добрымъ дѣланіемъ, воспитанники Казанской Академіи.

Противъ напечатанія моихъ писемъ ничего не имѣю. Самъ подумывалъ объ этомъ, и сборникъ копій побывалъ у меня. Но признаюсь, по свойственному мнѣ отвращенію отъ собственныхъ писаній, я даже не удосужился въ него заглянуть. Содержаніе этихъ писемъ помню лишь смутно. Написаны они поспѣшно и небрежно. Поэтому прошу Васъ безъ церемоній выкидывать все, что покажется Вамъ неумѣстнымъ или излишнимъ. Къ сожалѣнію, утрачено одно письмо, именно первое, служившее какъ-бы предисловіемъ къ прочимъ. Попытаюсь написать взамѣнъ нѣсколько строкъ.

Прошу удѣлить мнѣ экземпляровъ 50 брошюрки. Нужны они мнѣ, какъ приложеніе къ письмамъ, которыя нерѣдко приходится мнѣ писать на ту-же тему сельскимъ священникамъ, воспитанникамъ духовно-учебныхъ заведеній. Именно въ этихъ видахъ подумывалъ я о напечатаніи «писемъ».

О себѣ писать нечего. Лѣта и недуги свели на нѣтъ прежнюю мою дѣятельность. Учить болѣе не

могу. Даже простое посѣщеніе школъ, основанныхъ и содержимыхъ мною, становится крайне затруднительнымъ. За то радуетъ меня дѣятельность многихъ моихъ учениковъ. Еще отраднѣе—*очевидный нравственный подъемъ въ средѣ нашего мѣстнаго сельскаго духовенства*. Обширная моя корреспонденція даетъ мнѣ поводъ полагать, что это—*явленіе не частное и не мѣстное,* и что немалую въ немъ роль играетъ *повсемѣстное возрожденіе церковной школы.*

Поручая себя молитвамъ Вашимъ,

остаюсь преданный Вамъ **С. Рачинскій.**

